

Миръ всѣмъ

Газета Синодального отдела
Московского Патриархата
по тюремному служению

№ 7-8(97-98)

2011 год

Основана в апреле 2002 года

Обучающий семинар «Особенности религиозно-просветительской деятельности в учреждениях УИС»

Подготовка тюремных священников является первоочередной задачей для миссии Православной Церкви в пенитенциарных учреждениях. Об этом говорил Преосвященный Иринарх, епископ Красноярский, Председатель Синодального отдела по тюремному служению Московского Патриархата, в интервью газете «Мир всем»: «Мы будем решать общие проблемы, в первую очередь, подготовки и образования. Сейчас нам необходимо создать хотя бы курсы тюремных священников для начала. Священнослужителей, которые уже работают, несут послушание в тюрьмах, надо вызывать сюда, в отдел, хотя бы на месяц, знакомить их с опытом других епархий, чтобы они выглянули за границу своих регионов, и дать им рекомендации и указания».

И вот этот момент наступил. В Санкт-Петербургском институте повышения квалификации работников ФСИН России по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 26 октября 2011 г. по 10 ноября 2011 г. был проведен первый обучающий семинар «Особенности религиозно-просветительской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы» для православных священнослужителей, совершающих пастырское служение в местах лишения свободы.

Программа семинара разрабатывалась сотрудниками Синодального Отдела Московского Патриархата совместно с рядом руководителей епархиальных тюремных отделов и кадрового аппарата ФСИН России с апреля 2011 года. В мае этого года состоялось заседание Рабочей группы по разработке образовательных программ. Предварительно были собраны все имеющиеся программы, когда-либо использовавшиеся для обуче-

ния тюремных священников. Наиболее показательной оказалась программа, разработанная сотрудниками Вологодского института права и управления ФСИН России совместно с Вологодской и Великоустюжской епархией. На основе этих материалов и была подготовлена программа состоявшегося в Санкт-Петербурге семинара в объеме 80 учебных часов. Она состоит из 3-х модулей: правового, психолого-педагогического и специального (пастырского). Первые два модуля проведены начальниками соответствующих кафедр Академии ФСИН России (Рязань), а специальный (пастырский) — старшим преподавателем Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии о. Олегом Скоморохом, а также опытными руководителями епархиальных тюремных отделов: Красноярской епархии — протоиереем о. Александром Косовым, Нижегородской — иереем о. Евгением Панюшкиным и Вологодской — протоиереем о. Александром Лебедевым. От ФСИН России активное участие в разработке программы семинара приняли: Антонова Э.А. — начальник отдела организационно-методического обеспечения профессионального образования ФБУ ЦОУВР, Витина Т.М. — заместитель начальника отдела организации первоначальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Управления кадров.

Несколько учебных занятий проведены непосредственно в исправительных учреждениях УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а именно — в Колпинской воспитательной колонии и исправительной колонии строгого режима № 4 (с. Фornosово). Особое внимание уделено организации работы тюремного храма и психологической колонии. Руководитель психологической лаборатории Павлова Мария

Васильевна познакомила слушателей с работой лаборатории, принципами отбора категорий осужденных и сотрудников учреждения для занятий. Кроме того участники семинара ознакомились с работой Центра свт. Василия Великого, находящегося на Васильевском острове в г. Санкт-Петербурге. Особый интерес вызвала деятельность реабилитационного курса и «соци-

мии ФСИН России, Самарин В.А. — начальник кафедры организации кадровой и воспитательной работы Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России. Вклад этих сотрудников по итогам работы семинара был особо отмечен Преосвященным Иринархом.

Проведение обучающего семинара подтвердило согласованность

альной гостиницы». Исполнительный директор Центра Никитина Ю.В. особо остановилась на необходимости реабилитации подростков, находящихся в конфликте с законом. Настоятель Храма св. вмц. Анастасии Узорешительницы протоиерей Александр Степанов подробно рассказал об истории создания Центра и поделился своим опытом тюремного служения.

Расписание занятий семинара было составлено достаточно плотно: ежедневно — не менее восьми учебных часов. За две недели работы семинара перед обучающимися выступили Чорный В.Н. — начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии ФСИН России, Щербаков Г.В. — начальник кафедры психологии Акаде-

мии и единомыслие, а также хорошее взаимодействие Синодального отдела с ФСИН России. Семинар был организован по распоряжению директора ФСИН России А.А. Реймера при активной поддержке его заместителя Большакова В.П. Предстоятель Русской Православной Церкви проявил повышенный интерес к работе семинара, условиям проживания священников, принципу комплектования группы.

По благословению Преосвященного Иринарха семинар открыл руководитель Санкт-Петербургского епархиального отдела по тюремному служению протоиерей Олег Скоморох.

Культурная программа для священников была представлена че-

тырехчасовой обзорной экскурсией по Санкт-Петербургу, посещением государственного комплекса «Дворец конгрессов» (Константиновский дворец) и православного фермерского хозяйства в д. Поги.

В выходные и праздничные дни всем слушателям-священнослужителям была предоставлена возможность участвовать в богослужении в Софийском соборе г. Пушкина Санкт-Петербурга.

10 ноября 2011 года состоялся итоговый круглый стол, на котором кроме слушателей присутствовало руководство Института и УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Все присутствующие выразили единодушное мнение о целесообразности и своевременности проведения семинара, а также необходимости их проведения впредь. Всем двадцати двум слушателям были торжественно вручены удостоверения о повышении квалификации установленного образца.

По итогам работы семинара Преосвященный Иринарх обратился к руководителю ФСИН России А. Реймеру с благодарственным письмом, в котором отметил вклад ФСИН России в подготовку тюремного духовенства: «Позвольте выразить Вам, Ваше Превосходительство, глубокую благодарность за высочайшее качество проведения семинара, прекрасную организацию обучения и быта священнослужителей, предоставленную возможность проведения учебных занятий непосредственно в исправительных учреждениях. Уверен, что полученные знания позволят тюремным священникам эффективнее участвовать в общем деле исправления осужденных и предупреждения совершения ими правонарушений вновь».

ШЕЛЕПОВ В.Н.,
заведующий сектором
образовательных программ

Молебное пение о всех православных христианах, во узах темничных пребывающих, в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы

*Благословен Бог наш...
Царю Небесный... Бог Господь...
Тропарь, глас 2;*

Манассию от уз и горького заточения молитв ради свободивый, всецелый Боже, и рабы Твоя в покаянии Тя призывающих и молящихся, от уз и заточения свободы и от всякого злаго обстояния избави, яко един Человеколюбец.

Тропарь Покрову Пресвятой Богородицы,
глас 4;

Днесь благовернии людие светло празднуем, осеняеми Твоим, Богомати, пришествием и к Твоему взирающе Пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным Твоим Покровом и избави нас от всякого зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша.

Слава, и ныне.

Кондак глас 3

Дева днесь предстоит в Церкви и с лики святых невидимо за ны молится Богу: ангели со архиереи поклоняются, апостоли же со пророки ликовствуют: нас бо ради молит Богородица Превечная Бога.

Слава тебе, Боже наш, Слава Тебе. Пресвятая Богородица, спаси нас, Слава, и ныне Запевы. *(Повторяются три раза).*

Избави от бед и скорбей раб Твоих, Владыко Всемилоствие, яко мы усердно к Тебе прибегаем, Милостивому Избавителю, всех Владыце, Господу Иисусу.

Спаси от бед рабы Твоя, Богородице, яко мы усердно к Тебе прибегаем, яко к Нерушительной стене и предстательству.

Вонмем. Премудрость. Вонмем.

Прокимен. Глас 7-й:

Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему.

Стих: Вонми молитве моей, яко смирихся зело.

От Иоанна (Глава 8 стихи 31-36)
Кондак (Глас 5-й):

Яко милосердия источник и благочестия пучина, Христе Боже, не презри в скорбех и бедах Тя верою призывающих, но яко щедр помилуй и во узах от всякого зла сохрани, да поем Ти: аллилуия.

Сугубая ектения: Помилуй нас, Боже...

Приложу и сия:

Избавлей нища от сильна, и убога, емуже несть помощника, в бедах и заточении и во

узах сущия, яко щедр милостивно посети, прилежно молим Ти ся, скоро услыши и яко Щедр помилуй.

Иосифа в темнице иногда в Египте заключенного преславно свободивый, и ныне нами Тебе призывающия раб Твоих в заключении находящихся от пагубы, озлобления и горькия беды избави, молим Ти ся, избавителю Милостивый, услыши и скоро помилуй.

Петра от уз и темницы изведый и невредна Церкви Твоей представивый, Христе, и рабов Твоих, в заключении пребывающих, в покаянии Тя призывающих и нами Тебе ныне молящихся, яко милосерд помилуй и от уз свободи, молим Ти ся, Всемилоствие Спасе, услыши и помилуй.

Услыши ны, Боже...

Ко Пресвятей Владычице нашей Богородице помолимся.

Пресвятая Богородица, спаси нас!

О Пресвятая Дево, Мати Господа Вышних сил, Небесе и земли Царице, града и страны нашае всемогущая Заступнице! Прими хвалебноблагодарственное пение сие от нас, недостойных раб Твоих, и вознеси молитвы наша ко Престолу Бога, Сына Твоего, да милостив будет неправдам нашим и пробавит благодать чтущим Всечестное имя Твое и с верою и лю-

бовию поклоняющимся чудотворному образу Твоему. Несмы бо достойны от Него помиловани быти, аще не Ты умиловивши Его о нас, Владычице, яко вся Тебе от Него возможна суть. Сего ради к Тебе прибегаем, яко к несомненной и скорой Заступнице нашей: услыши нас, молящихся Тебе, осени нас вседержавным Покровом Твоим и испроси у Бога Сына Твоего пастырем нашим ревность и бдение о душах, градоправителем мудрость и силу, судиям правду и нелицеприятие, наставникам разум и смиренномудрие, супругам любовь и согласие, чадам послушание, обидимым терпение, обидающим страх Божий, скорбящим благодушие, радующимся воздержание: всем же нам дух разума и благочестия, дух милосердия и кротости, дух чистоты и правды. Ей, Госпоже Пресвятая, умилосердися на немощные люди Твоя; рассеянные собери, заблудшия на путь правый настави, в заключении во узах, находящихся и Тя призывающих скоро посети и призри на всех нас призрением милостивого твоего заступления, воздвигни нас из глубины греховныя и просвети сердечныя очи наша ко зрению спасения; милостива нам буди зде и тамо, в стране земного пришельствия, и на Страшном Суде Сына Твоего. Ты бо еси, Госпоже, Слава небесных и Упование земных, Ты по Бозе наша Надежда и Заступница всех притекающих к Тебе с верою. К Тебе убо молимся и Тебе, яко Всемогущей Помощнице, сами себе и друг друга и весь живот наш предаем, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Совещание сотрудников Синодального отдела Московского Патриархата по тюремному служению

В Малом зале Синодального отдела состоялось рабочее совещание сотрудников во главе с председателем Синодального отдела епископом Красногорским Иринархом по подведению итогов деятельности Первого образовательного семинара для священнослужителей, несущих пастырское послушание в учреждениях уголовно-исполнительной системы и планированию задач на оставшийся период 2011 года. В работе Совещания приняли участие заведующие секторами Синодального отдела, а также главный редактор газеты «Мир всем» священник Илья Соловьев.

Присутствующими с большим интересом было выслушано выступление заведующего сектором образовательных программ В.Н. Шепелева, в соответствии с указанием Преосвященного Иринарха совместно с диаконом Алексеем Алексеевым принявшего участие в работе семинара.

Пробный образовательный семинар «Особенности религиозно-просветительской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы» был проведен силами Преподавателей учебных заведений ФСИН России и духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в период с 26.10.2011 по 10.11. 2011 года на базе Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России. Куратором семинара был назначен начальник кафедры организации кадровой и воспитательной работы подполковник внутренней службы Самарин В.А.

Занятия проводились по специальной программе, разработанной совместно кадровыми службами и учебными заведениями ФСИН России, а также сотрудниками Синодального отдела. Программа, предусмотренная учебно-тематическим планом, выполнена в полном объеме.

Правовую подготовку осуществлял начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии ФСИН России полковник внутренней службы Чорный В.Н., психолого-педагогическую — начальник кафедры психологии Академии ФСИН России подполковник внутренней службы Щербаков Г.В., специальную — протоиерей Олег Скоморох, старший преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии.

В период обучения осуществлены выездные занятия в Колпинской воспитательной колонии и исправительной колонии строгого режима № 4 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центре свт. Василия Великого в Санкт-Петербурге и Православном фермерском хозяйстве в д. Поги Ленинградской области.

Кроме того, по предложению протоиерея Олега Скомороха в конференц-зале института (в вечернее время) проведены три кулуарные встречи слушателей. На встречах обсуждались вопросы обмена опытом тюремного служения, варианты разрешения проблем определения юридических статусов тюремных священников и храмов, расположенных на территории исправительных учреждений. Участники встреч обсудили интересный опыт работы с трудными подростками в Центре святителя Василия Великого в Санкт-Петербургской епархии и опыт работы сотрудников Центра в Колпинской колонии с осужденными. Участники встречи обсудили интересные опыт работы с трудными подростками в Центре святителя Василия Великого в Санкт-Петербургской епархии и опыт работы сотрудников Центра в Колпинской колонии с осужденными.

Телевизионный сюжет о семинаре был показан на популярном 100-м канале Санкт-Петербургского телевидения.

По итогам обучения 10.11.2011 г. проведен круглый стол с участием слушателей, преподавателей, руководства института и УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Все присутствующие однозначно признали проведение такого семинара весьма полезным, современным и рекомендовали ввести в постоянную практику проведение таких семинаров. По окончании круглого стола всем слушателям были вручены удостоверения о повышении квалификации установленного государственного образца. Было отмечено, что все слушатели проявили высокую активность и старание в учебе, а также выказали солидную практическую выучку.

В рамках культурной программы для слушателей были организованы: обзорная экскурсия по Санкт-Петербургу, посещение государственного комплекса «Дворец кон-

грессов» (Константиновский дворец), а также тюремного храма и музея СИЗО № 1 (тюрьма «Кресты») УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Членами рабочего совещания сотрудников Синодального отдела итоги проведения обучающего семинара «Особенности религиозно-просветительской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы» для православных священнослужителей, несущих пастырское служение в местах лишения свободы, признаны положительными. С учетом высказанных предложений по данному поводу и в соответствии с имеющимся планом работы Синодального отдела Председателем отдела поручено присутствующим:

— составить отчет о проделанной работе Святейшему Патриарху

Московскому и всея Руси, благословившему проведение данного мероприятия;

— подготовить письма Руководству Минюста России и ФСИН России с благодарностью по поводу предоставленной возможности повышения квалификации и просьбой о поощрении сотрудников ФСИН России, принявших активное участие в подготовке и проведении семинара;

— внести предложение в ФСИН России о возможности проведения следующего аналогичного обучающего семинара в 2012 году с учетом замечаний, высказанных слушателями и преподавателями;

— на очередном заседании Рабочей группы по определению статуса тюремного священника рассмотреть предложенный слушателями вариант соглашения между пенитенциарным учреждением и священником, благословленным епархиальным архиереем на тюремное служение;

— опубликовать на сайте Синодального отдела для ознакомления и внесения замечаний и предложений программные материалы семинара и концептуальные документы по развитию реабилитационных центров для осужденных и лиц, оказавшихся в трудной ситуации в связи с уголовным преследованием;

— активизировать работу по общению и анализу сведений, поступающих из епархий на территории Российской Федерации в ответ на разосланные анкетные опросы;

— продолжить работу по подготовке к проведению Рождественских чтений в январе 2012 года.

**Синодальный отдел
Московского Патриархата
по тюремному служению**

В день Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября 2011 года, в Москве в очередной раз прошла благотворительная акция «День милосердия и сострадания ко всем во узлах и темницах находящимся». В этот день в тюремных храмах совершалась Божественная Литургия или молебны, проходили встречи священников с заключенными и вручение им небольших подарков, а в приходских храмах собирались пожертвования на помощь узникам.

Во всех церквях Москвы было прочитано послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Вознося в сей день усердные прошения о людях, находящихся в заключении, многие из которых сознательно причинили боль окружающим, нанесли вред здоровью близких, ущерб имуществу, мы уповаем, что Господь просветит их души светом Истины, духовно преобразит их жизнь, направит на путь покаяния и уврачует, в том числе и нашей любовью, состраданием и милосердием». «Миссия Церкви состоит в том, чтобы подвести каждого человека к осознанию важности жить по высшей правде и следовать Господним установлениям. Совершая евангельское свидетельство в местах лишения свободы, Церковь в лице своих пастырей заботится о том, чтобы в каждом подобном заведении из заключенных образовывалась община единомышленников, помогающих друг другу, дабы общение веры «...» оказалось деятельным в познании всякого «...» добра во Христе Иисусе (Флм. 1,6).

Сегодня, сочетая молитву с активным участием в делах милосердия, мы призваны явить пример подлинной христианской солидарности, готовности следовать словам Спасителя, сказавшего: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13,35). Будем непоколебимо уповать на державный Покров Пресвятой Богородицы, распростертый над страной нашей, будем ревностно служить Господу, и Он подаст мудрость и приумножит наши силы для мирного устройства жизни и трудов на благо Церкви и земного Отечества».

Эти же слова были прочитаны после запричастного стиха на Божественной литургии в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Бутырской тюрьме (СИЗО № 2) старшим священником храма иереем Константином Кобелевым.

Богослужение в престольный праздник в этой церкви было совершено епископом Дмитровским Александром, Председателем Комиссии по социальному служению в местах лишения свободы при Епархиальном совете г. Москвы. Ему сослужили священники, окомольные заключенных в изоляторах Москвы: прот.Димитрий Медведев (старший священник СИЗО № 7), прот. Леонид Кочерук (ст. свая. СИЗО № 4); иерей

Александр Слесаренко (представитель СИЗО № 1); старший священник СИЗО № 3 прот.Иоанн Каледа; старший священник СИЗО № 5 иерей Иоанн Чураков. Также на богослужении присутствовали и.о. начальника УФСИН по Москве А.Н. Тихомиров, заместитель начальника УФСИН Д.В. Контарев, представители общественности и средств массовой информации, действующие сотрудники и ветераны учреждения, православные осужденные из отряда хозяйственного обслуживания.

По окончании Божественной литургии был совершен крестный ход, в котором принимали участие многие заключенные: несли икону Покрова, хоругви, иконы новомучеников. После крестного хода у дверей храма была отслужена заупокойная лития о всех за веру пострадавших в стенах Бутырской тюрьмы.

После богослужения иерей Константин Кобелев от лица присутствующих вручил епископу Александру цветы и икону равноапостольного царя Константина, обрамление к которой было сделано руками заключенных. Владыка обратился к присутствующим с кратким словом: «Празднуя это величайшее событие, один из любимых праздников на Руси, мы верим в то, что не только много веков назад во Влахернском храме Матерь Божия простерла Свой материнский Покров над молящимся народом, но и на протяжении всех времен и до скончания века Матерь Божия простирает Свой вседержавный Покров над нашим Отечеством, над нашей святой Церковью и над всеми живущими на нашей родной земле».

Обращаясь ко всем узникам, находящимся в изоляторах и колониях России, Владыка призвал их сохранять бодрость духа, помнить о том, что они небезразличны Церкви: «Мы всегда о вас молимся, не думайте, что вы забыты и брошены. На устах всех священнослужителей, когда они совершают службу Божию, ваши имена. Мы просим, чтобы Господь дал вам силы и мужество перенести ваши испытания, просим Бога, чтобы он помог вам с достоинством пережить все скорби и эти временные трудности».

Владыка направил слова благодарности и ободрения всем священнослужителям, выполняющим свой пастырский долг в местах лишения свободы. Поблагодарив начальников исправительных учреждений, епископ Александр призвал их к милосердию и состраданию, к «более мудрому решению», чтобы люди, которые оказались в их руках, не ожесточились, но, наоборот, смогли разобраться в своей жизни, сделать определенные выводы.

В завершение, поздравляя присутствующих с праздником Покрова, Владыка пожелал всем помощи Божией, каждому в своем служении.

Вера КОРЕПАНОВА

Праздник Покрова в Бутырском изоляторе

«День милосердия» в Бутырском изоляторе

День милосердия

В день Покрова Пресвятой Богородицы в следственных изоляторах Москвы прошла акция «День милосердия и сострадания ко всем во узлах и темницах находящимся». В этот день я побывала в СИЗО № 5 и своими глазами увидела, как проходит поздравление заключенных в этот праздничный день.

Священнослужители и помогающие им миряне собрались в тюремном храме святителя Николая Чудотворца и отслужили молебен с прошениями о заключенных и прославлением праздника. Затем, разбившись на группы, в сопровождении сотрудников учреждения они отправились по камерам для поздравления.

Священник открывает «кормушку» — окошко в двери камеры.

— С праздником вас! Вы знаете, какой праздник сегодня?

Кто-то не знал, но были и более просвещенные, отвечавшие на вопрос.

— Мы пришли сказать, что Церковь о вас не забыла, она молится о вас.

После поздравления, объяснения цели прихода, иногда короткого наставления батюшки вручали подарки каждому заключенному вне зависимости от его вероисповедания. Эти пакетики с нехитрыми утешениями — тетрадкой, ручкой, пачкой печенья, а также книгой духовного содержания и иконкой — были упакованы добровольцами храма Живоначальной Троицы в Коньково, места служения старшего священника изолятора иерея Иоанна Чуракова.

— Я записывался, чтобы попасть на службу, но меня до сих пор не отвели, — неоднократно слышалось от узников.

Это связано с правилами безопасности: люди, проходящие по одному делу, не должны иметь возможности общаться, поэтому на богослужения заключенных также выводят только из одной камеры. Камер много, священники посещают изолятор два раза в неделю — во вторник и четверг, и узникам приходится подолгу ждать возможности посетить храм.

Несмотря на краткость общения и незамысловатость подарка, чувствовалось, что большинство заключенных рады этому поздравлению и общению со священниками. И постепенно и мне становилось радостно оттого, что заповедь Господа «в темнице был, и вы пришли ко Мне» исполняется, что люди с участием приходят к узникам, чтобы пролить утешение на их израненные души, чтобы дать им возможность услышать не брань и грубость, но слова бескорыстной заботы и христианской любви. Хочется верить, что такие, пусть и кратковременные и на первый взгляд незначительные, знаки внимания станут лучом света во мраке греховной жизни, лучом, который может указать человеку путь к познанию Истины — Бога, который есть Любовь.

Вера КОРЕПАНОВА

Тюремное служение священнослужителей Барнаульской епархии: история и перспективы сотрудничества

15 ноября по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского, в Главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний России по Алтайскому краю состоялось совещание священнослужителей, окормляющих пенитенциарные учреждения Барнаульской и Алтайской епархии и заместителей начальников по кадрам и воспитательной работе исправительных учреждений.

Собрание проходило под председательством зам. начальника управления Козлова Валерия Геннадьевича и руководителя епархиального отдела по тюремному служению иерея Вячеслава Данькина.

Перед началом собрания в храме преподобного Антония Киево-Печерского, расположенном на территории главного управления, был отслужен молебен, в котором приняли участие представители 15 исправительных учреждений края и священнослужители.

В актовом зале управления с приветственным словом к присутствующим обратился недавно назначенный на должность начальника ГУФСИН России по Алтайскому краю полковник в/с Усачев Валерий Николаевич, который рассказал о своем предыдущем опыте взаимодействия с церковью в исправительных учреждениях Тульской области.

Начальник отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН Пензин Александр Николаевич выступил с докладом на тему «Организация взаимодействия ГУФСИН с Барнаульской епар-

хий РПЦ», рассказав об основных направлениях сотрудничества.

Председатель епархиального отдела по тюремному служению иерей Вячеслав Данькин сделал сообщение на тему «История тюремного служения христианской церкви в связи с пенитенциарными реформами 18-19 вв.».

Также начальник управления Усачев В. Н. одобрил предложение иерея Вячеслава Данькина в рамках системы общественно-государственной подготовки сотрудников УИС священнослужителям в каждом пенитенциарном учреждении регулярно проводить беседы духовно-нравственного содержания с личным составом колонии.

Заместитель начальника отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН Гертель Сергей Иванович выступил с докладом на тему «Концептуальные направления деятельности священнослужителей в УИС по духовному окорм-

лению осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Представитель отдела охраны и конвоирования ГУВД по Алтайскому краю Патуянов Е.В. сообщил о служении священнослужителей в изоляторах временного содержания, высказав замечания и предложения по работе данного направления.

Все присутствующие могли высказать свои пожелания относительно дальнейшего сотрудничества, было предложено проводить подобные встречи регулярно.

По окончании совещания священнослужителям была передана православная литература для приходских библиотек колоний, а также методические пособия по введению курсов дистанционного обучения осужденных.

*Пресс-служба
отдела по тюремному
служению Барнаульской епархии*

Тюремное служение в Енисейской епархии

Енисейская епархия совсем молодая. Она была образована решением Священного Синода 30 мая 2011 г. Но видно, что в ней активно развивается тюремное служение. Это и понятно: и север, и Дальний Восток в России всегда были местом ссылки преступников. Сегодня на территории Енисейской епархии функционирует 9 учреждений, из которых 2 являются объединениями исправительных учреждений и 2 — следственными изоляторами.

На территории епархии нет исправительных учреждений для осужденных лиц женского пола, поэтому в ОИУ отбывают срок наказания исключительно мужчины. Однако в отдельных колониях-поселениях созданы женские отряды, в частности, в ОИК-30 г. Норильска. Также на территории епархии нет ни одной воспитательной колонии для несовершеннолетних. Несовершеннолетние осужденные и подследственные в установленном порядке содержатся в СИЗО.

Всего на территории епархии находятся: одно учреждение строгого режима в г. Норильске; одно — общего (г. Норильск); четыре колонии-поселения: Норильск; Енисейский район: пос. Кедровый, пос. Епишино, пос. Шишмарево; два следственных изолятора: в г. Норильске и г. Енисейске; два управления объединений исправительных учреждений (г. Норильск и г. Енисейск).

В самой большой колонии ИК-15 ФБУ ОИК-30 (УП 288/15) в г. Норильске, содержится около двух тысяч заключенных. Там имеется храм во имя святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, где совершаются регулярные богослужения; молебны, панихиды, Таинства Крещения, Миропомазания и Покаяния, проходят встречи священника с осужденными и личным составом учреждения. Община верующих составляет от 30 до 80 человек, но несмотря на это Божественная литургия совершается всего несколько раз в год по особому разрешению руководства учреждения. Окормляется колония молодым священником Павлом Бочковым. В колонии действует воскресная школа, но дистанционное обучение основам православной веры пока не организовано. Также в колонии имеется православная библиотека — около 350 книг. Отец Павел, председатель Епархиального отдела Енисейской епархии по тюремному служению и настоятель храма святителя Луки, образованный пастырь, кандидат богословия, даже получил степень доктора богословия в Богословской академии в Ужгороде.

Он также окормляет норильскую колонию КП 20 ФБУ ОРЖ-

30 (УП 288/20) (210 мест). Встречи со священником проходят в фойе учреждения. Община верующих составляет 10-20 человек. Регулярно совершаются молебны, проводятся беседы о православной вере.

Также активным тюремным священником является иерей Виталий Сухотин, священник Спасо-Преображенского Енисейского монастыря, член Общественного совета при ФСИН. Он трудится в ОИУ-2 (объединение исправительных учреждений) и работает с КП-2, КП-3, КП-4. г. Енисейска, КП-2 ФБУ ОИУ-2 (УП 288/2) — это колония-поселение на 1005 человек в поселке Шишмарево Енисейского района. В колонии имеется небольшой деревянный храм. Особенность епархии состоит в том, что в летний период некоторые дальние уголки становятся труднодоступными, и тогда батюшки приходят на выручку друг другу. В таких случаях колония в летний период окормляется священником из села Ярцево, иереем Сергеем Лукашенко. Отец Виталий Сухотин занимается тюремным служением также в ФБУ ИЗ 24/2 СИЗО г. Енисейска, где имеется молитвенная комната и совершаются регулярные богослужения. Активными тюремными священниками епархии являются иерей Алексей Ахтулов (КП 3 ФБУ ОИУ-2 (УП 288/3) колония-поселение на 1000 человек пос. Епишино, Енисейский район) и иерей Анатолий Грудяков (ФБУ ИЗ 24/4 СИЗО г. Норильска), где имеется молитвенная комната, освященная во имя святого праведного Симеона Богоприимца, и отведено под богослужение помещение. Иерей Алексей Ахтулов возглавляет и реабилитационный центр для наркозависимых в селе Подте-сово.

Немаловажно, что в епархии организуется и Социальный центр для реабилитации попавших в трудную жизненную ситуацию «Лествица» (г. Норильск, район Толпах). Окормляет его протоиерей Даниил Тихонов.

Огромные размеры епархии и суровый климат сильно затрудняют тюремную работу. В колонии-поселении в поселке Кедровый (Енисейский район) осужденные временно не окормляются духовенством. Но будем надеяться, что новый владыка и ответственный за тюремное служение в епархии скоро решат этот вопрос. Географический фактор, видимо, затрудняет и создание воскресных школ, а дистанционное образование в епархии только налаживается. Есть все основания предполагать, что работа с осужденными в этой епархии будет успешно развиваться.

Собрание в Валуйках

Слева направо: Утенин Н.С., Плясов О.И., архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, Холин А.Л., Железнов В.А., протоиерей Николай Герасимчук

18 октября 2011 г. в Свято-Николаевском соборе Успенского мужского монастыря г. Валуйки под председательством Управляющего Белгород-

ской и Старооскольской епархией, архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, состоялось очередное выездное собрание епархиаль-

ного совета, благочинных и комиссий Белгородской и Старооскольской епархии.

На собрании был рассмотрен протокол предыдущего собрания и намечены планы для дальнейшей деятельности епархии. Состоялось награждение ряда сотрудников УФСИН по Белгородской области в связи с 100-летием канонизации святителя Иоасафа, епископа Белгородского. Во внимание к трудам во благо Православной Церкви медалями святителя Иоасафа III степени были награждены:

Плясов Олег Иванович — заместитель начальника УФСИН России по Белгородской области;

Утенин Николай Семенович — заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе исправительной колонии № 5 УФСИН России по Белгородской области;

Холин Александр Леонидович — заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе исправительной колонии № 7 УФСИН России по Белгородской области;

Железнов Вадим Анатольевич — старший инструктор отдела по воспитательной работе с осужденными УФСИН России по Белгородской области.

Награды вручил архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн.

В исправительной колонии освящен храм во имя новомучеников и исповедников Российских

17 ноября Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин совершил Великое освящение храма во имя новомучеников и исповедников Российских в ФБУ ИК-7 на ст. Паницкая Красноармейского района. По окончании освящения была совершена первая Божественная литургия в освященном храме. Его Высокопреосвященству сослужили благочинный Юго-Западного благочиннического округа протоиерей Николай Формазюк, настоятель храма священник Андрей Перфилов, духовенство епархии. За богослужением молились начальник ИК-7, руководство и сотрудники исправительного учреждения и лица, отбывающие в нем наказание. На малом входе настоятель храма был удостоен очередной награды — права ношения камилавки.

Храм во имя новомучеников и исповедников Российских в ФБУ ИК-7 был построен по инициативе и трудами отбывающих наказание в этом исправительном учреждении строгого режима. Решение о его строительстве было принято в 2004 году, фактически работы были начаты в 2008 году.

— Этот храм вы делали для себя, для того, чтобы молиться в нем и получать от

Бога помощь, надежду и утешение, — сказал, обращаясь к молящимся в храме, Владыка Лонгин. — Сегодня восстанавливаются сохранившиеся храмы и возводятся новые, строятся церкви и обустроятся молитвенные комнаты в воинских частях, в больницах, в местах лишения свободы. Это естественно, потому что человек нуждается в благословении своей жизни, нуждается в помощи Божией. И чем тяжелее условия, в которых он находится, тем ближе к нему Бог и тем нужнее ему помощь Божия. Мы освятили этот храм в честь новомучеников и исповедников Российских. Это люди, которые в период гонений и богоборчества не отреклись от Христа; люди, благодаря подвигу которых сегодня живет и возрождается наша Церковь. Их молитвы перед Престолом Божиим, которые они возносят о своих потомках, превосходят все беззакония, всю злобу, которой наполнена наша жизнь. Их молитвами мы сегодня имеем возможность приходить к Богу, возможность спасти свою душу. Одно из проявлений этих возможностей — то, что сегодня мы освятили этот построенный вашими усилиями, с любовью украшенный новый храм.

Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин поблагодарил руководство колонии и всех, кто принимал участие в возведении храма. За труды по славу Святой Церкви Владыка вручил начальнику колонии М.М. Данилину медаль «Спас Нерукотворный». Архиерейских грамот удостоены начальник ОВР ФБУ ИК-7 О.Н. Примаченко и ответственный за строительство храма из числа отбывающих наказание Д.Г. Горбатенко. Благодарственные письма были вручены С.А. Кожохину, М.С. Учваркину, А.В. Усову. В дар храму победитель ведомственного конкурса на лучшее художественное произведение православной тематики В.П. Калинин передал напрестольное Евангелие.

Пресс-служба Саратовской митрополии

В ИК-13 УФСИН России по Саратовской области завершилась реставрация храма

В Свято-Никольской церкви ИК-13 УФСИН России по Саратовской области завершились основные работы по реставрации храма, проводившиеся в течение нескольких месяцев. Самое активное участие в ремонтных работах принимали постоянные прихожане храма. В алтарной части храма были разобраны старые деревянные полы, выполнено бетонирование основания и уложена напольная плитка из керамогранита. Затем выложили теплые полы из металлопластика с врезкой в отопительную систему церкви и установили металлическую обрешетку поверх труб отопления здания. Также был обновлен, окрашен и отреставрирован интерьер внутри церкви: иконы, окна, двери, элементы церковной утвари.

Ремонт Свято-Никольской церкви проводился и снаружи. Осужденные зачистили, оштукатурили, загнутовали и окрасили фасад здания. Обычные оконные стекла были заменены цветными витражами. Один из осужденных самостоятельно провел высотные работы по зачистке и покраске крестов и куполов храма.

Неоценимую спонсорскую помощь по приобретению стройматериалов, предоставлению необходимых инструментов оказал Свято-Никольский мужской монастырь в лице наместника игумена Никона.

*Пресс-служба УФСИН России
по Саратовской области*

Отец Глеб появился в Бутырке году в 1992-м, пожалуй. До этого ко мне приходил Фил Вагнер — протестантский священник, с предложением беседовать с заключенными, помогать им, но я тогда задумывался о восстановлении православного храма Бутырской тюрьмы. Церковь была когда-то в Бутырке, но ее закрыли, разместили на первом этаже медсанчасть, а на втором и на третьем содержали психбольных — тех, кого отправляли в Институт Сербского на экспертизу, и тех, кто там уже побывал и ждал этапирования. Приняли решение перевести психбольных в женский корпус, а женщин должны были переселить в новый следственный изолятор. Таким образом освободили помещение под церковь. И заключенные в это время стали проявлять интерес к религии.

А тут и отец Глеб пришел в тюрьму. Мне однажды с КПП звонят: «Тут священник из Московской епархии». Я говорю: «Проводите ко мне». Входит человек небольшого роста, худощавый. Разговорились. Оказывается, он воевал, прошел большой жизненный путь. Мы как-то быстро поладили. Я говорю: «Если вы, отец Глеб, будете приходить, я не против, давайте вместе работать. Вот есть у меня задумка открыть церковь в Бутырке». Так мы и начали сотрудничать. А потом подключилась Наталья Леонидовна Высоцкая, руководитель обществу «Вера. Надежда. Любовь» во имя святителя Николая Мирликийского. Через спонсоров, через друзей собирали деньги на храм. И мы начали оборудовать на втором этаже помещение. Когда отец Глеб появился, пошли слухи о том, что в тюрьме строится церковь и приходит священник. Даже смертники захотели принять крещение. Помню, первым был Григорий Ким. Я говорю: «Отец Глеб, можно его крестить?» «Ну что ж, давайте». И потихоньку окрестили всех сидевших на шестом коридоре убийц, осужденных на смертную казнь. Каждому дали Новый Завет.

Помню, привезли в Бутырку пацана, которого приговорили к расстрелу. Он в армии служил и застрелил там четверых солдат, которые над ним издевались. И когда его задерживали, а он уходил с автоматом, ему прострелили печень, и другие серьезные повреждения у него были. Он стал инвалидом, мочился и под себя ходил. А Илья, грузин, тоже приговоренный к смертной казни, говорит: «Геннадий Николаевич, меня отец Глеб окрестил вчера. Я прошу, чтобы этого больного пацана поместили в мою камеру, я за ним ухаживать буду. У меня тоже сын растет». И потом, когда они оказались в одной камере, Илья стал заботиться о парнишке. Я никогда не вмешивался в дела правосудия и не пытался влиять на решения суда, но в данном случае я обратился в Верховный Суд, сам поехал туда, переговорил и объяснил ситуацию в отношении этих двух осужденных. И им заменили расстрел на пятнадцать лет лишения свободы. Наверное, они уже оба вышли, если мальчишка не умер, уже столько лет прошло.

Так что мы с отцом Глебом много работали. Он и по камерам ходил. А в камерах, рассчитанных на сорок мест, в то время сидело и по сто, по сто двадцать человек, спали в три смены. Заключенные говорили мне: «Геннадий Николаевич, священник-то, отец Глеб, с нами поговорил и ушел, а у нас тишина такая, все сидят, притихли, а потом кто-то матом выразился, так резануло ухо. Мы запретили в камере матом ругаться». Заключенные по-другому себя вели. И даже если камера борзела, беспредельничала, я объявлял: «Так, в вашу камеру священник месяц не придет». И это было для них реальным наказанием.

Отец Глеб как-то говорит: «Геннадий Николаевич, Пасха у нас, надо отметить. Что-то для заключенных придумать, может, пирожки какие-то?» Я говорю: «Нет у меня ничего, отец Глеб! Может, по другим каналам?» Он говорит: «Да, и у нас в епархии тоже ничего нет...» В 1992-м году что там было в Московской епархии, какие финансовые возможности? Многие церкви разрушены. Но все равно я ре-

шил, надо что-то делать, позвонил своему приятелю: «Виктор, ты — богатый человек, а у меня заключенным есть нечего. Пасха скоро...» Он отвечает: «Ладно, я что-нибудь придумаю». Кого-то из своих друзей привлек, потом звонит мне: «Завтра трейлер придет к тебе с куриными окорочками — «ножками Буша». Здоровый трейлер прислали, тонн шесть, наверное. И на Пасху сварили для заключенных куриный бульон, раздали по ножке. Потом звонит мне заместитель начальника главка: «Слышал, курятиной эков кормишь?» Я говорю: «Ну да. Привезли гуманитарную помощь». — «Да ты что! У нас народ голодает, а ты эков курятиной кормишь!» Я говорю: «А что ж я сделаю, раз для них прислали?» И отец Глеб пасхальную службу отслужил, прошли вокруг храма крестным ходом. Это был 1992-й год, мы только на-

зи срезать, да многое можно сделать. Но заставить людей работать и чувствовать себя именно людьми — это самое важное. И мы начинали именно с этого. Начинали перестраивать отношение персонала тюрьмы к заключенным. Старослужащие пришли ко мне как-то и говорят: «Геннадий Николаевич, работать стало легче». Я говорю: «Мы вместе с заключенными сидим в одной тюрьме, только по разные стороны двери: зек в камере, а ты в коридоре. Но тюрьма-то одна. Вы дышите одним и тем же воздухом».

Отец Глеб ходил по камерам и разговаривал с заключенными. Бывало и так, приходит ко мне: «Геннадий Николаевич, что-то надо менять, что-то нужно делать». — «А что?» — «В камере по сто двадцать человек сидят. Ну как можно?» Я говорю: «А что делать-то? Законы надо менять. Я как начальник

стали, в Бога стали верить. На Пасху и на другие большие праздники отец Глеб и Наталья Леонидовна приносили по их просьбе свечки, раздавали по камерам. Я, честно говоря, был просто счастлив, что в Бутырке появилась церковь. Сейчас в каждой колонии, в каждом следственном изоляторе если не церковь, то часовенка какая-то или отдельная моленная комната.

Отец Глеб приходил в камеру, где сидели и православные, и мусульмане, и католики, и иудеи. И все его внимательно слушали. И не было такого: «Чего это к нам православный священник приходит? Я, мол, мусульманин, зачем он мне нужен?» И они мне говорили: «Геннадий Николаевич, ну пусть священник-то приходит почаще». То есть слово священника, слово отца Глеба очень сильно действовало на заключенных. Когда служба была

реализовывались, хотя и были трудности с материальной базой. Меня приглашали в Законодательное собрание, советовались по вопросам тюремной системы. И мне удалось тогда добиться, что осужденные, оставленные для работ по обслуживанию следственных изоляторов, могут с разрешения начальника быть отпущены домой на выходные дни за хорошую работу и примерное поведение. И я отпускал осужденных. В пятницу вечером они уходили, а в понедельник утром приходили. Но это надо было заслужить. Так что с осени 1991-го и до моего ухода я отпускал заключенных на выходные.

И отец Глеб это одобрял и говорил: «Геннадий Николаевич, это хорошее дело. Я с ними общаюсь, заключенный домой к семье сходил, с ребенком поговорил, с женой пообщался, у него отношение к жизни более светлым становится».

Я, когда в первый раз отпустил 35 человек, конечно, переживал, вдруг некоторые не вернуться. Но у меня никто не убежал.

А как только я ушел на пенсию, отпускать перестали и прикрыли это дело моментально. А мера поощрения для осужденных была отличная. Это был очень сильный стимул, чтобы выйти на волю и больше в тюрьму не попадать.

Отец Глеб был увлеченным человеком. Он, если говорить по большому счету, был истинно тюремным священником. Он приходил в тюрьму, проводил там целый день. Я спрашивал его: «Отец Глеб, устали сегодня?» — «Нет, все хорошо, но мне нужно завтра быть в такой-то камере и поговорить с таким-то человеком». Он понимал важность своего служения и говорил мне: «Я не знал, что тут у заключенных такие проблемы, многие из них с изломанными судьбами, и к ним нужен особый подход, совсем иной, чем на воле».

Мне в жизни повезло: у меня и начальники в основном были умные и хорошие, сослуживцы честные и грамотные, и друзья замечательные. И всю мою жизнь, я думаю, меня опекал Господь. Поэтому мы и должны были встретиться с отцом Глебом и заняться восстановлением тюремного храма. Как он мне говорил: «Это Промысел Божий».

Мне кажется, что его задача была, чтобы, во-первых, человек не сломался и все-таки верил в себя, что он сильный, что он может выдерживать все. Я не знаю, удалось ли отцу Глебу спасти чью-то душу. А вот научить человека верить в себя, научить, чтобы он сломал стереотипы своего мышления, чтобы он повернулся в сторону добра, осознал, как несправедливо поступал в отношении многих людей, больно им делал, подчас к родителям относился недобро, — это отцу Глебу, я думаю, удавалось. И я говорил им: «Господь Бог вложил вам в башку компьютер. Так вы его включайте иногда». Я встречался с некоторыми людьми, которые отсидели у меня в Бутырке, а потом отбыли свой срок в колонии, видел, как они изменились, создали семью, нашли работу, у них появились новые интересы. Среди них были и те, с кем в Бутырке беседовал отец Глеб, кому он помог советом и приобщением к вере.

Когда отец Глеб пришел в тюрьму, он не сразу стал опытным тюремным священником, хотя и понимал, что к заключенным нужен особый подход. Вначале отец Глеб сам признавался: «Я еще не готов полностью, надо втянуться, понять эту тюремную жизнь, для меня это новый жизненный опыт». Но отец Глеб вкладывал в свое служение всю душу и вскоре стал тонко разбираться в тюремной специфике, в особенностях жизни тюрьмы, в своеобразии психологии заключенных, поэтому все относилось к нему с большим уважением, прислушивались к каждому его слову.

О хорошем человеке, особенно о таком, как отец Глеб, можно говорить много и долго. Думаю, что он прожил достойную жизнь: жил для людей, молился за них, приводил их к вере в Бога, не боялся браться за новое дело, умел преодолевать трудности. Он был созидателем.

Г.Н. ОРЕШКИН,
подполковник в отставке,
начальник Бутырской тюрьмы
в 1992-94 гг.

Он был созидателем

2 декабря 2011 г. исполняется 90 лет со дня рождения протоиерея Глеба Каледы. Участник Второй Мировой войны, профессор, в 1972 году он был тайно рукоположен во пресвитера и с 1990 года стал совершать свое священническое служение открыто. О. Глеб стал одним из первых в России священников, занимавшихся тюремной миссией, первым настоятелем храма в московской Бутырской тюрьме.

следственного изолятора не имею права не принять человека».

И отец Глеб приходил в камеру, где сидело больше сотни человек, беседовал по четыре, по пять часов. Он разговаривал с заключенными, они задавали вопросы, он отвечал. Дверь из камеры в коридор была открыта и стоял кто-то из охранников, однако никаких экспессов не было.

Иногда он мне звонил: «Геннадий Николаевич, я приеду сейчас». Говорю: «Пожалуйста». Приезжал он с разными вопросами, и мы их решали. Мы с ним практически общались по несколько раз в неделю.

Вопросов этих много было. И по содержанию заключенных, как его улучшить. У нас совсем разные понятия по заключенным. Он говорит: «Это наши люди, расстреливать их нельзя», еще то нельзя и это нельзя. Я говорю: «Отец Глеб, есть закон. Я на службе, я выполняю закон».

Часто возникали какие-то вопросы. Осужденные к смертной казни (так называемый шестой коридор) сидели по два человека в камере. Сегодня все хорошо, а завтра поссорились, поскандалили. Ну, это же понятно, один и тот же сосед по камере 24 часа в сутки. Мы же не подбираем их, как космонавтов, по психологической совместимости. Я занимался раскладкой на шестом коридоре, решал, кто с кем будет сидеть. Только я заключенных перемещал, без меня никто права не имел. А если я в отпуске — мой первый заместитель. Да туда никто и не ходил, запрещено было. Там и ключ был особый, хранился он у меня, дубликаты были у первого заместителя и у дежурного. И как-то Губайдуллин, мой первый заместитель, приходит и говорит: «Геннадий Николаевич, отец Глеб просит одну камеру рассадить, они не ладят между собой». Я говорю: «Хорошо». Зашел в камеру, спрашиваю: «Вы чего тут?» — «Геннадий Николаевич, вот, отец Глеб был, он нам пообещал». Но отец Глеб никогда никому ничего не обещал, он говорил: «Я с Геннадием Николаевичем переговорю по этому вопросу». Он деликатный был человек. Потом как-то спокойней стало: после того как священник по камерам походит, в одной камере, в другой побывает, там обстановка меняется. Заключенные и матом-то меньше ругаться

на праздники, приходили и заключенные из хозобслужки, и сотрудники. Сами приходили, не то что назначали их для охраны заключенных, нет. Приходили те, кто был свободен от службы.

Я запрещаю и своим сотрудникам, и надзирателям заходить в камеру, когда там священник беседует с заключенными, потому что и заключенные тогда по-другому себя ведут. Когда рядом стоит офицер, они так не разговаривают, как один на один со священником. Там совсем другой разговор. Или даже я приду, начальник. Вот я встану рядом с отцом Глебом, и заключенные, конечно, не будут так разговаривать, хотя ко мне они и нормально относились, и могли говорить все что угодно. Но священнику они скажут совсем по-другому.

У отца Глеба был очень тихий голос. Когда он приходил в камеру к приговоренным к смертной казни, он настолько тихо говорил, что даже я, сидя в коридоре, ничего не слышал, хотя камера небольшая; правда, я и не прислушивался. Поражали его спокойствие, уверенность в себе: он знал, что прав, говорил то, что думал.

Часто ему не хватало времени. Он мне говорил: «Геннадий Николаевич! Я в прошлый раз беседовал с заключенными, но не закончил. Мне нужно в такую-то камеру». Я вызывал кого-либо из подчиненных: «С отцом Глебом пойдешь».

Теперь я думаю, что в духовной семинарии нужно специально готовить тюремных священников, потому что заключенные — это совсем другая категория людей, и работа с ними должна быть особой. Мы этот вопрос часто обсуждали с отцом Глебом. Одно дело на воле в церкви служить, а другое дело — в тюрьме. Здесь проблемы совсем другие. И нужно сделать так, чтобы заключенные не вернулись в тюрьму. Вот в чем парадокс. На воле священник все будет делать для того, чтобы люди к нему шли и чтобы тот, кто сегодня стоит у него в церкви и молится, вернулся туда. А вот задача священника тюремного — сделать так, чтобы человек больше не вернулся в тюремную церковь... Для тюремного священника главное, по-моему, — сопереживание боли того, кто сидит в тюрьме. Заключенный — это человек обездоленный, он зависит от всех — от начальства, от сотрудников, от тех же зеков. Как поставить себя в камере... У зеков очень обостренное чувство видения всего. На воле вы покурили чуть-чуть, притушили сигарету и окурок положили. А другой человек взял окурочку и докурив. Вы и внимания на это не обратите. А в тюрьме попробуй сделать так: «Не трогай. Не тобой положено, не тобой и возьмется». Я кусок хлеба положил, он мне не нужен, я его есть не буду, но ты попробуй только взять его. Я тебе башку сверну и назову тебя крысой. Это строгие, серьезные вопросы. Поэтому тюремная жизнь тоже учит. Там свои законы, и подчас более справедливые, чем на воле.

Мне нравились 1990-е годы только тем, что все менялось: предлагались новые идеи, некоторые из них

О протоиерее Глебе Каледе Святейший Патриарх Алексий сказал, что «именно он положил начало пастырскому служению в тюрьмах». В настоящее время в местах заключения в России действуют сотни храмов и молитвенных комнат. «Вот это и есть то семья, которое он сеял и которое дало такие обильные плоды».

Отец Глеб не был первым духовным лицом, пришедшим в исправительные учреждения после периода безбожных гонений. Но именно он положил начало систематическому окормлению заключенных, стал воистину первым тюремным священником. Опыт своего самоотверженного служения, опыт других священников, мысли об организации деятельности Церкви в тюрьме и колонии он изложил в своей книге «Остановитесь на путях ваших». Записки тюремного священника». В этом небольшом по объему труде дан наиболее глубокий на сегодня анализ всех сторон осуществления миссии Церкви в местах лишения свободы. Книга, написанная живым, доступным языком, не только является настольной для каждого священника, окормляющего места лишения свободы, но и пользуется спросом у сотрудников и заключенных. Обратимся к голосу отца Глеба, звучащему с ее страниц.

Протоиерей Глеб Каледа: Заветы тюремного священника

Анализируя мотивы совершения преступлений, отец Глеб замечает, что этому обычно предшествует множество тайных и явных грехов. Преступление — нарушение законов человеческих, грех — заповедей Божиих. «Среди заключенных есть те, кто, устранившись собственных злодеяний, желает покаяться перед священником. Муки собственной совести приводят человека к покаянию и к Богу». «Священник — единственный, может быть, человек, который пришел к нему с воли не как к преступнику, а как к страждущему грешнику, как к находящемуся в беде человеку; пришел не просто с воли, а из другого мира, которого преступник, находясь на воле, не знал и не хотел знать». Эти слова наиболее полно, на наш взгляд, выражают отношение отца Глеба к заключенным.

Такое отношение глубоко традиционно для русского православного человека. За решеткой оказываются люди, занимавшие до этого самое разное социальное положение. Различна и степень их виновности (нередко встречаются осужденные безвинно), и степень осознания произошедшего, и отношение к другим людям и к Богу. Различается и сила веры среди людей, ищущих встречи со священником.

Первая задача священника — поддержать человека, оказавшегося в столь непривычных и непростых условиях, помочь ему преодолеть уныние, найти пути к его сердцу.

«Преступникам, отвергнутым от общества, нужна любовь. Они, как малые дети, бывают очень чувствительны к ней. О, если бы мы,

священники, ходящие в тюрьмы, могли бы сказать своим заключенным, как апостол Павел Филиппийцам: "Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа"» (Флп. 1, 8).

Стремлению охватить как можно большее число заключенных отец Глеб предпочитал целенаправленную, длительную работу с отдельными камерами. Причастие предварялось многочасовой исповедью «за всю жизнь», а затем — повторной краткой исповедью непосредственно на Божественной литургии в храме.

Для пастырского окормления заключенных требуется большой жизненный и священнический опыт. Служение в местах заключения имеет много отличительных особенностей. Например, отец Глеб не видел возможности назначения длительных епитимий в виде отлучения от причастия.

«Учитывая огромные размеры наших тюрем и зон общего, усиленного, строгого и особого режима и ограниченное количество кадров духовенства, ясно, что Русской Православной Церкви охватить все места заключения в должном объеме при имеющемся количестве священников невозможно», — считал отец Глеб. Единственный выход — активное участие мирян в деле проповеди Православия

в темнице. «К отбору их следует подходить очень осторожно и вдумчиво. Здесь нужны люди с любвеобильным сердцем, твердой верой, уравновешенные и спокойные. Нельзя привлекать экзальтированных особ и лиц, лишенных чувства долга. Мирянин-катехизатор должен смотреть на свою работу в тюрьме как на церковное послушание и служение и иметь на нее благословение». Катехизаторы особенно могут помочь при подготовке желающих к встрече со священником.

«К сожалению, из-за своей греховности человечество не может обойтись без тюрем. Тюрьмы, количество заключенных в них — это показатель греховности всего общества... Тюрьма — это концентрация уголовного мира, и, общаясь с ним, трудно сохранить человеческий облик», — пишет отец Глеб.

Власть над людьми, если она не основана на любви и сочувствии, часто развращает. В то же время именно от сотрудников и начальствующих в большой степени зависит морально-нравственная и даже физическая обстановка содержания в тюрьмах и колониях. Поэтому понятно то внимание, которое отец Глеб уделял контактам с руководством учреждений и их сотрудниками. «Посещение и плодотворная деятельность православных священников и катехизаторов в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях возможна только при благоприятном отношении к ним руководства этих учреждений. Все они живут на особом режиме; нарушение инструкций может привести к тяжелым последствиям, хотя сами эти инструкции далеки от

совершенства и иногда могут быть неоправданно жестоки».

«Наши современные тюрьмы и исправительно-трудовые колонии — это огромные приходы, нуждающиеся в Слове Божием и духовном окормлении, может быть, больше, чем обычные приходы в миру», — считает отец Глеб.

«Центром жизни любого прихода является храм — место совместной молитвы, место совершения христианских Таинств. Храм — это небо на земле, где люди набираются благодатных сил и отдыхают от тяжелой юдоли мира сего, где человек набирается духовных сил, чтобы нести свой крест. Если вольные люди несут свое горе и печали в храм Божий и получают там утешение, то каково же значение храма в жизни уверовавшего в Бога узника! К храму заключенные относятся с какой-то особой любовью, и участие в строительстве храма на территории лагеря или тюрьмы воспринимается ими как общее дело, как дело свободного волепроявления. Храм — это воля в заключении».

Создание и существование храма в местах заключения немисливо без помощи христиан, находящихся на воле. Если в царской России существовал институт тюремных священников, служащих исключительно в местах лишения свободы, то сейчас для священника, по мысли отца Глеба, совмещение служения в двух приходах чрезвычайно плодотворно. «Священник, связанный только с тюремным храмом, окажется без помощников: без псаломщика, без алтарника, без хора. Сле-

довательно, разумнее идти по пути прикрепления к тюремным храмам священников вместе с общинами. В таком случае к одной тюрьме или режимной колонии и к одному тюремному или лагерному храму может быть прикреплено несколько приходов».

«Только тюремное послушание может оказаться для священника непосильным бременем... Надо иметь радости и заботы нормальной приходской жизни. Опыт мира — нести в тюрьму и лагерь, а опыт тюрьмы и колонии — в мир. С амвона приходского храма полезно говорить о тюрьме, а в тюрьме, в камерах и в храме — о православной жизни, о православных подвижниках благочестия в миру и монастырях».

Особенность следственных изоляторов (СИЗО) — то, что заключенные находятся в них до вынесения приговора. Затем их либо переводят в отряд хозяйственного обслуживания при изоляторе, либо отправляют в колонию. Сблизившиеся с тюремным священником люди часто продолжают потом общаться с ним в письмах. Переписка, начатая отцом Глебом, продолжается его помощниками и по сей день. В Православном Свято-Тихоновском университете на основе этого опыта разработаны рекомендации по переписке с заключенными.

«Страшный и ответственный момент в жизни арестанта — это выход на волю. Пьянящая радость свободы, но кругом все чужое. Жизнь за годы, проведенные в заключении, изменилась, да и сам ты за годы пребывания за решеткой и проволокой стал другим; у долго сидящих глубоко меняется психология. Там за тебя думали — хорошо или плохо, но думали; был ненавистный тебе режим, но он был. А здесь теперь ты должен решать все сам. Но если ты вышел из темницы верующим христианином, то по-старому ты жить не хочешь, а по-другому просто не умеешь».

«Священник, служащий в тюрьме или лагере, может, опираясь на своих помощников-катехизаторов, сделать свой внеприходный приход местом для частичной реабилитации выпущенных на свободу. Уверовавшему в тюрьме приятно прийти к уже знакомому священнику, у него испросить благословения и помощи на дальнейшую вольную жизнь: неизвестно, как новый, случайный священник отнесется к его заявлению, что он преступник, уголовник. А знакомого тюремного священника этим не удивишь».

Однако приходится признать, что проблема реабилитации освобождающихся из мест лишения свободы все еще не решена ни в обществе, ни в Церкви.

В Москве труды отца Глеба сегодня продолжают священники, несущие свое послушание в Бутырской тюрьме и в других московских изоляторах.

В 2009 году было осуществлено третье издание книги «Остановитесь на путях ваших...», которая была бесплатно вручена сотрудникам московских изоляторов и каждому из заключенных.

Священник Константин КОБЕЛЕВ, настоятель храма Покрова Божией Матери при Бутырском тюремном замке

Я был знаком с отцом Глебом сравнительно недолго: всего около двух с половиной лет. Почему я все же решился писать о нем?

Дело в том, что эти последние два с половиной года его жизни я не только был его прихожанином и духовным чадом, но и работал с ним, в его секторе Отдела катехизации и религиозно-образовательного Московского Патриархата. Я виделся с ним почти ежедневно, ездил с ним в командировки, был рядом с ним при начале его тюремного служения. Он благословил меня на создание Информационно-консультативного центра священномученика Ириния епископа Лионского и, уже будучи тяжело больным и прикованным к постели, активно интересовался деятельностью Центра и помогал нам советами, прониженной критикой и молитвами.

Я видел отца Глеба в разных обстоятельствах: в тюрьме и на официальных приемах, в горах и на берегу моря, в центре больших городов и в лесах, на море, на суше и в воздухе. Я видел его с самыми разными людьми: с Патриархом и с отъявленным атеистом и сталинистом, с премьер-министром Греции и с заключенными, с видными учеными и таксистами, с мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми. Все это множество встреч вырисовывало фигуру человека, удивительно талантливого и многогранного, но и удивительно цельного, человека, являющего пример высокого христианского настроения души и этим приводящего ко Христу множество людей.

Ну и, конечно же, я видел отца Глеба за молитвой: в великопечных соборах и восстанавливаемых церквях, в домашней обстановке и на природе, в монастырях, в тюрьмах и больницах. Все то, что я увидел, я и хотел выразить в словах.

О тюремном служении отца Глеба Каледы

А.Л. Дворкин и прот. Глеб Каледа во время служения Божественной Литургии в СИЗО-2

Думаю, что «Павлов» подход был главным фактором того успеха, который сопутствовал последней крупной миссии в его жизни — его тюремному служению. Я помню, как серьезно он готовился к первому походу в Бутырку. Помню, как мы с ним туда зашли, какое давящее впечатление тогда с непривычки оказали на меня эти затворы, решетки, темные засаленные стены, липкий спертый воздух, побыв в котором минуту, мучительно хотелось поскорее принять душ. Помню, как мы впервые встретились с колонной заключенных, которую вели навстречу нам вниз по лестнице. Одинаковые телогрейки, бритые головы, лица, в которых тогда виделась лишь

жестокость и порок, — все это привело меня почти к полному параличу воли. Казалось, что можно сказать этим людям? И вообще, зачем им то, что я мог бы сказать? Слов не было...

К счастью, говорить начал отец Глеб. И буквально после нескольких слов, сказанных им, зал растаял. Не было больше скрытой враждебности, ухмылок, неприятия. Не было ряда одинаковых бритых голов. Были человеческие лица, лица несчастных людей, запутавшихся, грешных чад Божиих, оказавшихся в нечеловеческих условиях существования, отчаявшихся обрести в жизни добро и свет.

Я наблюдал потом, как принимали батюшку в тюрьме. Его там любили

все: и охрана, и заключенные. Нужно было видеть, как ждали обитатели камер его посещения, как трепетно и с каким глубоким уважением относились к нему и как упрашивали его побыть с ними еще немножко. Мы уходили от заключенных уже после отбоя. Но разговора с батюшкой ждали еще и работающие там офицеры, так же, как и заключенные, проводящие большую часть своей жизни за решеткой... И уже глубоко за полночь возвращался домой невысокий сухонький пожилой человек с неподъемно тяжелым «дипломатом».

Я был с ним, когда нам показали поруганный тюремный храм, и я прислуживал на первой Литургии, которую совершал в нем отец Глеб — первой Литургии после семидесятилетнего запустения. Это была Пасхальная литургия в Светлый вторник 1991 года. Я помню, каким торжеством звенел голос отца Глеба, когда он — впервые после долгих десятилетий молчания — провозглашал пасхальное приветствие.

Я, да и не я один, видел работу батюшки с «обычными» подследственными и осужденными. Однако его работа со смертниками шла без свидетелей: мы знаем о ней только по его собственным, очень немногословным рассказам. Он проводил в камере смертников многие часы, оставаясь с ними один на один. Несколько из них он крестил, и они пересмотрели всю прошлую жизнь. Отец Глеб неоднократно говорил, что нигде не видел такой горячей молитвы, как в камере смертников. Увиденное там еще более убедило его в необходимости отмены смертной казни, ибо, по его словам,

«мы приговариваем к смерти одного человека, а казним уже совсем другого»...

Когда я посещал его в больнице, он был очень слаб и сильно страдал от боли, но по-прежнему живо интересовался всем происходящим в жизни Церкви и Отдела. Он продолжал работать буквально до последнего дня, диктуя свои наблюдения о православном образовании для материалов Архиерейского Собора. Он очень хотел побыстрее поправиться, чтобы принять участие в его работе — в работе первого за всю историю Русской Православной Церкви Собора, посвященного проблемам миссии и образования.

Но Господь судил иначе. Земное служение отца Глеба завершилось за две недели до Собора. Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной, безболезненной, непостыдной, мирной, — именно той, о которой мы молимся. Последними словами отца Глеба были: «Не волнуйтесь, мне очень, очень хорошо».

Мы не знаем, что скрыто от наших глаз было явлено ему в эти последние минуты. Но мы можем с уверенностью сказать, что те молитвы, которые он возносил за каждого из нас в течение своей земной жизни (многие, знающие его, помнят его синодики: толстые тетради, исписанные бисерным «профессорским» почерком), не прекращаются и теперь, когда он с дерзновением стоит перед престолом Господним.

Отче наш Глебе, моли Бога о нас!

Профессор А.Л. ДВОРКИН

Тюрьмы и лагеря, так называемые зоны общего, усиленного и строгого режима для взрослых и подростков, — это огромное невосделанное поле, где надо пахать, сеять и убирать жатву. К этому полю, учитывая его размеры, православные пастыри только-только приступили. А оно, как всякое поле, требует систематической работы и внимания. Множество грешников — преступников и невинно осужденных — ждет там прихода священников и катехизаторов.

На исповеди молодой парень-арестант благодарит Господа: «Слава Богу, что я попал в тюрьму (!). Если бы меня не арестовали, я не знаю, чего бы еще натворил. А здесь, в тюрьме, я поверил в Бога!» Эту мысль мне разными словами повторял не один арестант.

Там, в тюрьмах и лагерях, священник принимает глубочайшее беспощадное покаяние. Человек со слезами кается на исповеди в преступлении, которые ему следователи не инкриминируют, — это ли не показатель и глубины раскаяния, и доверия к духовнику!

Когда в камере заключенный говорит: «Если бы мне сейчас предложили выйти на волю или провести месяц в тюрьме, — я бы выбрал тюрьму, — мне многое еще надо узнать и постигнуть», — это значит, что идет перерождение человека.

Если на вас смотрит просветленное после крещения лицо и полные любви глаза смертника, бывшего убийцы, то это лицо и глаза вы будете носить в сердце до конца дней своих.

А другой смертник говорил: «Я поверил в Бога, когда услышал свой смертный приговор». Позже он крестился.

Убийца признавалась: «Я ночью не спала, все молилась: Господи, пришли ко мне священника». Она исповедалась и причащалась на Божественной Литургии в тюремном храме. Помню, как она в первый раз в жизни шла к Чаше. Через несколько месяцев она причащалась вторично.

Другой впервые в жизни стал молиться, когда жертва истекала кровью у его ног: «Господи, сохрани ему жизнь». Молитва преступника была услышана, и одного увезли в больницу, а другого — в тюрьму. А потом, после суда, в тюрьме была первая двухчасовая исповедь со слезами раскаяния за все прегрешения, совершенные в жизни.

Многие сотни прошений о крещении, об исповеди, о причастии, о беседах лежат у меня невыполненными. Грех мой священнический! Всечестные отцы, собраты священники, помогите!

Среди заключенных есть те, кто, устрашившись собственных злодеяний, жалеет покаяться перед священником. Муки совести приводят человека к покаянию и к Богу. Нередко приходится раскрывать связь между так называемым обычным мелким грехом и его последствием — тяжким преступлением и на конкретных примерах объяснять разницу между грехом и преступлением: в одних случаях грех и преступление совпадают, в других — грех не является преступлением, в третьих — преступление не является грехом: все христианские древние и новые мученики — преступники по государственному закону. Заключенные прекрасно понимают последовательность: прилог — помысел — пленение — грех словом или действием.

Большинство заключенных исповедуются впервые в жизни. Ни о каких общих исповедях в тюрьмах и лагерях не может быть и речи. Исповедь длится обычно час-два со слезами и беспощадностью к себе кающегося грешника-преступника.

Многие признаются, что блуд и прелюбодение они не считали грехом. Малолетние преступницы считают блуд просто приятным провождением времени. Покаяния в этом грехе легче добиться у мужчин, чем у женщин, которые иногда пытаются себя оправдать. С таким отношением к нарушениям седьмой заповеди приходится встречаться и на обычном приходе, — яркий пример развращенности всего нашего современного общества. Среди женщин заключен-

ных, особенно в лагерях, распространено лесбиянство, которое уродует психику и делает порою невозможным по выходе на свободу возвращение к нормальной семейной жизни.

Задача священника — не только принять исповедь, но и способствовать нравственному преображению заключенного на основе православной веры, способствовать изменению отношений между заключенными.

Священник имеет дело не с преступником, а с человеком-грешником. Грешника надо подводить к покаянию, проводить через покаяние и поднимать ко спасению. «Я пришел, — говорил Христос, — призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13; ср. Мк. 2, 17, Лк. 5, 32).

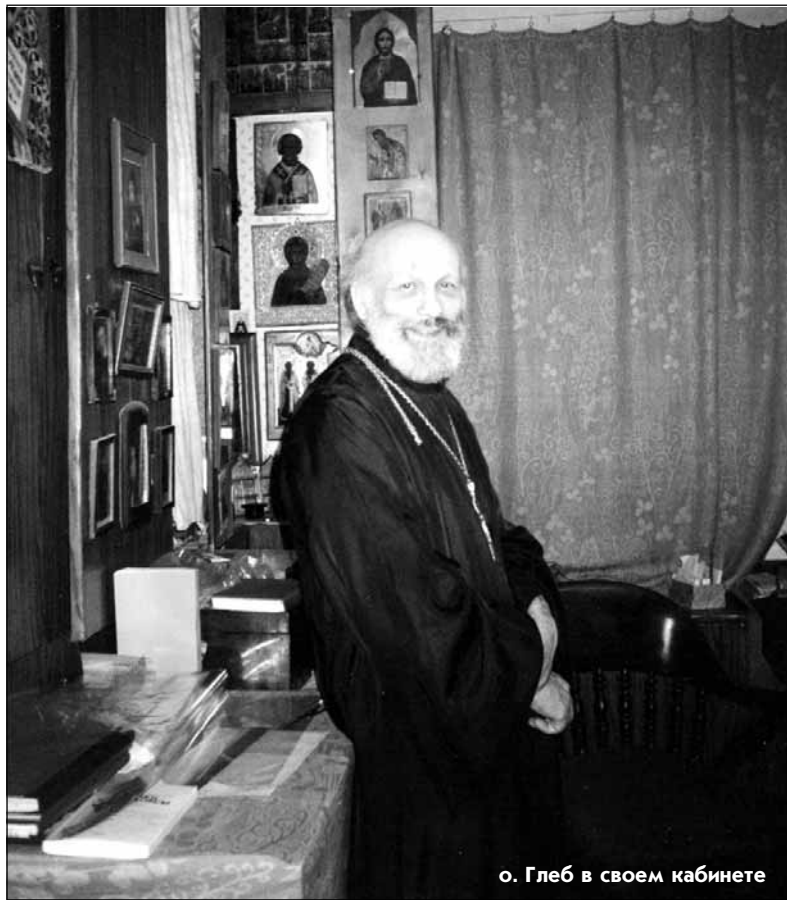
Преступникам, отвергнутым обществом, нужна любовь. Они, как

ли, что пойдут только к последнему, к нему же стремились и большинство мужчин. В тюрьмах, где люди еще не привыкли к исповеди, к общению с иереем, нужны священники, умудренные жизненным опытом, которым и церковному человеку было бы естественно сказать: «Отец! Святой отец!»

Итак, наши современные тюрьмы и исправительно-трудовые колонии — это огромные приходы, нуждающиеся в Слове Божиим и духовном окормлении, может быть, больше, чем обычные приходы в миру. Во многих тюрьмах и лагерях появились храмы, создаваемые в значительной мере трудом и на средства заключенных и по их инициативе или поддержке. Арестанты крестятся, исповедуются, для них совершаются Литургии.

Протоиерей Глеб КАЛЕДА

«ОСТАНОВИТЕСЬ НА ПУТЯХ ВАШИХ...»

О. Глеб в своем кабинете

малые дети, бывают очень чувствительны к ней. О, если бы мы, священники, ходящие в тюрьмы, могли бы сказать своим заключенным, как апостол Павел филиппийцам: «Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» (Флп. 1, 8).

Как-то в камере с двумя смертниками мы сидели вдвоем, обнявшись, на одном из двух имевшихся бетонных топчанов. Я сам пригласил их сесть рядом — один из них плохо слышал. В следующий раз он спрашивает: «А можно ли, батюшка, к вам сесть поближе?» — и, услышав: «Конечно», — присаживается вплотную ко мне.

Щекотливый вопрос в условиях тюрьмы — «тайна исповеди». Обычно приходится исповедовать в кабинетах следователей, в дежурках. Меня руководство тюрьмы заверило, что в тех кабинетах, где проходят исповеди, подслушивающих устройств нет. Об этом я объявлял заключенным и предлагал: если кто не верит, может написать свои грехи и бумажку показать мне, после исповеди мы эту запись тут же уничтожим. Никаких полицейских последствий ни одна исповедь не имела. Церковная тайна исповеди сейчас охраняется законом: священник, принимающий исповедь, не может быть привлечен ни как свидетель, ни как обвиняемый (за недостоверность) к судебному расследованию.

Немаловажный вопрос — возраст священника. Как-то в тюрьме исповедовали два священника: одному 26 лет, а другому шел восьмой десяток. Женщины все зави-

ли, что пойдут только к последнему, к нему же стремились и большинство мужчин. В тюрьмах, где люди еще не привыкли к исповеди, к общению с иереем, нужны священники, умудренные жизненным опытом, которым и церковному человеку было бы естественно сказать: «Отец! Святой отец!»

Итак, наши современные тюрьмы и исправительно-трудовые колонии — это огромные приходы, нуждающиеся в Слове Божиим и духовном окормлении, может быть, больше, чем обычные приходы в миру. Во многих тюрьмах и лагерях появились храмы, создаваемые в значительной мере трудом и на средства заключенных и по их инициативе или поддержке. Арестанты крестятся, исповедуются, для них совершаются Литургии.

воспитателя в три шеренги. В это время я случайно пришел со «своим» эзком и встал в стороне наблюдать за происходящим, а двое выведенных из камеры моих помощников-катехизаторов (Сергей и Аркадий, ныне священник) встали у ее входа. Численность заключенных оказалась в порядке — их стали вводить в камеру. Проходя мимо Сергея и Аркадия, почти все заключенные по-христиански целовались с ними. Меня обрадовала и очень тронула эта картина. Она нагляднее, чем многое другое, свидетельствовала об отношениях православных проповедников и учителей с находящимися в тюрьме заключенными.

Одновременно в камере могут находиться 2-3 катехизатора, которые либо занимаются с небольшими кружками, либо ведут общую беседу. Некоторые такие пары прекрасно дополняют друг друга. В мужские камеры ходят только катехизаторы-мужчины, в женские — женщины. Священники бывают и в тех, и в других. Они проводят общие беседы, служат молебны. Главная же их задача — исповедь, индивидуальные беседы, совершение Литургий и духовное (а старшего из них — и методическое) руководство всей катехизаторской работой в тюрьме. Однако почти вся систематическая работа ложится на катехизаторов.

К отбору их следует подходить очень осторожно и вдумчиво. Здесь нужны люди с любвеобильным сердцем, твердой верой, уравновешенные и спокойные. Нельзя привлекать экзальтированных особ и лиц, лишенных чувства долга. Мирянин-катехизатор должен смотреть на свою работу в тюрьме как на церковное послушание и служение и иметь на нее благословение. Многие просились и отпали. Встречаются дамы, называющие себя православными, которые сами себе хотят набрать команду катехизаторов и при всем своем православии возмущаются «поповской монополией» в Церкви и в ее деятельности. Некоторые возмущаются, что прежде, чем вводить их в тюрьму, священники, работающие там, хотя с ними поговорить. Но все это мелкие случайные издержки в просветительской тюремной работе, которые приходится иметь в виду при ее организации и подборе людей.

Отбирая катехизаторов для тюрем и колоний, нужно помнить, что они, по слову ап. Павла, «должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие тайнство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения» (1 Тим. 3, 8-10).

В последние годы в тюрьмы и лагеря стало ходить много священников разных епархий. Встает множество вопросов духовно-пастырского, катехизаторского и организационного планов. Они требуют соборного обсуждения, может быть, сначала на страницах церковной печати, а потом на специальном семинаре, конференции или даже Соборе. Наметим лишь

некоторые из них.

Необходимо учитывать принципиально разные условия катехизаторской работы с осужденными и находящимися под следствием: осужденных можно собрать в клубе или под открытым небом, в тюремном или лагерном храме; с подследственными можно общаться только в камерах, только всей камерой их можно выводить в церковь или молитвенную комнату. У подследственных не должно быть никаких связей или контактов, могущих затруднить ведение следствия. Реально подследственный — в руках следователя.

С осужденными в Бутырской тюрьме мы начинали с общей беседы. После беседы служился молебен о заключенных в темнице, пел церковный хор; однажды пели водосвятный молебен двумя хорами антифонно. По завершении молеб-

на священник отвечал на вопросы, а затем собирались группы около катехизаторов, а к священнику подходили для личных разговоров. Естественно возникла серия встреч, состоявших из бесед-исповедей и, наконец, на Светлой седмице — первая в Бутырской тюрьме Пасхальная Литургия (29 апреля 1992 г.). Потом было еще много Литургий, а на Пасху 1993 г. в тюрьме, во внутреннем дворе, состоялся крестный ход вокруг храма.

1. Среди заданных при первой встрече вопросов был такой: «У нас тут многие бывали, хорошо говорят, но больше не приходят. Вы тоже поговорите и уйдете?» Вопрос в том: или сразу и быстро охватить всю тюрьму, или постепенно и терпеливо вовлекать в работу все новые и новые камеры, вести индивидуальную работу с отдельными заключенными, пестуя каждую отозвавшуюся душу, принимая двух- и более часовые исповеди; и лишь после того, как появились устойчивые ростки, переходить в следующие камеры. «Вы даже не понимаете, что вы делаете, — сказали в одной из камер катехизаторам. — Мы уйдем на этап и будем продолжать вашу проповедь в лагерях».

Мы шли в основном вторым путем. Очень важно воспитать в камере своего катехизатора, помочь ему обрести необходимые знания и навыки. Такие православные внутрикамерные миссионеры во многом определяют общий настрой в камерах. Есть, например, камера с красным углом с иконами, лампадой и занавеской, за которую можно зайти и помолиться. У этой же камеры над входом снаружи висит большой крест. В другой на передней стенке прекрасно написана самими заключенными Голгофа с Распятием. Иконы имеются во многих камерах, в некоторых их много, в других — меньше. Ввиду того, что трудно попасть в тюремный храм, осужденные просили, чтобы была создана молитвенная комната. Из-за перенаселенности тюрьмы это сделать трудно, но в мужской и женской столовых сейчас организуются «красные углы», куда бы арестант мог удалиться в удобное для него время. Это — плоды очень медленной постоянной работы.

2. Влиять ли или не влиять священникам на расселение заключенных по камерам? Вероятно, как правило, не следует вмешиваться в эту очень трудную работу администрации тюрьмы и следователей. Но в исключительных случаях священнику иногда приходится просить о разведении кого-то по разным камерам, особенно когда речь идет о смертниках, — если священник пользуется авторитетом у администрации, он может предлагать свои советы и просьбы. Мне удавалось в этом вопросе находить взаимопонимание с начальником тюрьмы. Узнавая о каких-то безобразиях в камерах от начальства, священник дает им в беседе с заключенными, в проповеди в храме морально-нравственную религиозную оценку. Но никакая информация о жизни в камерах не может поступать от священника

к начальству. Он может пользоваться лишь силой своей иерейской власти.

3. Восстанавливать или не восстанавливать институт тюремных священников и в какой форме?

Принципиальные различия церковной и общественной духовной обстановки делают невозможным прямой перенос опыта тюремной работы царской России в государство, возникшее на ее месте. Раньше тюремные священники в своем служении могли опираться на арестантов и тюремных служащих, которые в своем большинстве верили в Бога, были знакомы с церковной службой, и многие могли петь на клиросе, ибо с пеленок слышали церковное пение. Теперь ничего этого нет. Даже в Москве в новых приходах часто не хватает опытных псаломщиков, алтарников, регентов. Поэтому священник, связанный только с тюремным храмом, окажется без помощников: без псаломщика, без алтарника, без хора. Следовательно, разумнее идти по пути прикрепления к тюремным храмам священников вместе с общинами. В таком случае к одной тюрьме или режимной колонии и к одному тюремному или лагерному храму может быть прикреплено несколько приходов.

Один из священников должен являться официальным представителем Русской Православной Церкви от конкретной епархии (и. о. настоятеля храма). На него возлагаются обязанности: а) руководить деятельностью отдельных священников и катехизаторов в тюрьме; б) решать возникающие вопросы с руководством тюрьмы; в) давать рекомендации на допущение в тюрьму конкретных священников и катехизаторов.

Необходимость наличия благочинного в тюрьме, где трудятся несколько приходов, не требует объяснений. Настоятельная же необходимость церковного контроля за лицами, желающими посещать режимные учреждения от Русской Православной Церкви, объясняется неоднократными попытками уголовных элементов и религиозных групп, не имеющих никакого отношения к Московской Патриархии, проникнуть в тюрьмы под видом ее представителей, якобы имеющих сан. Последствия бывали маложелательными, — выразимся пока так! Известен случай, когда одно и то же лицо пыталось проникнуть в тюрьму то от одной, то от другой конфессии.

В больших тюрьмах кроме настоятеля полезно назначать отца-ключаря, который ведет организаторскую и хозяйственную работу. Хорошо, если бы он имел и общие ключи, как тюремные надзиратели и воспитатели.

Священник, служащий в тюрьме или лагере, может, опираясь на своих помощников-катехизаторов, сделать свой внетюремный приход местом для частичной реабилитации вышедших на свободу. Уверовавшему в тюрьме легче прийти к уже знакомому священнику, у него испросить благословения и помощи на дальнейшую вольную жизнь: неизвестно, как новый, случайный священник отнесется к его заявлению, что он преступник, уголовник. А знакомого священника этим не удивишь.

Только тюремное послушание может оказаться для священника непосильным бременем. Уходящего в тюрьму — тюрьма всегда при нем. Надо иметь радости и заботы нормальной приходской жизни. Опыт мира нести в тюрьму и лагерь, а опыт тюрьмы и колонии — в мир. С амвона приходского храма полезно говорить о тюрьме, а в тюрьме, в камерах и в храме — о православной жизни, о подвижниках благочестия в миру и монастырях.

Многих священников просили прийти к заключенным, но одни говорили: «Тюремный священник — это особая харизма», другие просто мотали головой или говорили: «Это не для меня», а один сказал: «Там могут убить». Среди уголовников тюрьмы я чувствую себя в полной безопасности; скорее могут убить в перулке, во дворе, в подъезде собственного дома. Большинство свой отказ оправдывало занятостью на приходе. Но тюрьма — это тоже приход, и нельзя один приход противопоставлять другому.

А вы епитимьи на преступников накладываете? — спросил меня один молодой иеромонах. — Они же все под епитимьей должны находиться. Их до причастия нельзя допускать».

Взял я сборник правил Св. Апостолов и постановлений Святых Соборов.

Вот правило 56-е святителя Василия Великого. Оно гласит: «Волею убивший и потом покаившийся двадцать лет да будет без причастия Святых Тайн. На эти двадцать лет дается ему следующее распределение: четыре должен он стоять и плакать вне храма, прося входящих в этот храм верных сотворить о нем молитву, исповедуя при этом свое преступление. После четырех лет да будет принят в число слушающих Писания и с ними да исходит в продолжение пяти лет. Семь лет с принадлежащими да молится и да исходит. Четыре года стоит только с верными, но да не сподобится причастия. По окончании их да причастится Святых Тайн».

Убийцу, приговоренного к смертной казни, не причащать двадцать лет, а только исповедовать?

Правило 57-е: «Невольню убивший десять лет да не причастится Святых Тайн». Под это правило попадает шофер, совершивший аварию со смертельным исходом, машинист поезда, под который бросился самоубийца, начальник, оскорбивший подчиненного, который умер вслед за этим от инфаркта или инсульта. В правиле 5-м святителя Григория Нисского: «аще будет истинное обращение, то да не соблюдается число лет, но с сокращением времени да ведется кающийся к возвращению в церковь и к причастию Святых Тайн. Аще же кто, не исполнив времени покаяния, определенного правилами, отходит от жизни, то человеколюбие отцев повелевает, да причастится Святых Тайн, и да не без напутствия отпущен будет в оное последнее и дальнее странствие».

Вечная проблема для духовников — соотношение акривии и икономии в их служении, то есть строгости и милосердия.

На прямую просьбу потрудиться в тюрьме молодой иеромонах, говоривший об епитимьях, ответил: «Это не для меня», а на предложение сходить к смертникам решительно замотал головой, уставившись в пол, а перед этим лицо его дышало благостью и любовью.

Вопрос стоит так: лишать ли причастия человека, ожидающего смертную казнь, или укрепить в нем веру и силы духовные? А ожидающего суда? Или приговоренного к длительному заключению?

Вероятно, в этих случаях надо основываться на 5-м правиле святителя Григория Нисского и 54-м святителя Василия Великого, которые предоставляют определять тяжесть епитимьи благоразумию пастыря.

Бог стучится в сердце человека и милостями, и наказаниями. Если человек не откликается на призыв милостей Господних, то ему посылаются жизненные несчастья, скорби и страдания. Они призваны остановить бездумный бег человека по жизни, заставить задуматься о путях своих. Так бывает и с отдельным человеком, и с целым народом.

Арест — удар, горе, которое многих заставляет задуматься, ибо — насильственно остановился бег жизни.

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6, 16). И многие, лежа на тюремных нарах, рассматривают прежде всего свой путь и ищут в нем свои ошибки. Вот почему так действительно слово священника и катехизатора.

В страданиях человек перерождается в ту или другую сторону.

«Я готов на страдания, — сказал мне один заключенный, — в страданиях человек ведь очищается». Он говорил это так, словно хотел передать мне свою глубокую убежденность, если не свое личное открытие, сделанное им в страданиях в тюремных камерах и на допросах. Он готов был идти этапом в ИТК как путем очистительного страдания. Дай Бог, чтобы он не

сломался в лагере. Такое отношение к страданиям, к своему заключению я встречал у многих мужчин. На протяжении веков известные случаи, когда терзаемые угрызениями совести преступники сами на себя доносили и являлись с повинной, чтобы в страданиях омыть грех свой. У женщин типичнее другое отношение: «Я покаюсь, значит, меня надо отпустить на свободу».

Как-то я исповедовал в приходском храме, еще до того, как начал ходить в тюрьму. Ко мне подошел мужчина лет тридцати — тридцати пяти с просветленным лицом и какой-то непонятной печатью на всем его облике.

«Я — преступник», — говорит он. Я молчу. «Я трижды судимый», — произносит он. Из беседы выясняется, что он поверил в Бога, отбывая третий лагерный срок,

В Бутырском изоляторе

благодаря работе среди заключенных о. Бориса. После Литургии мы с ним вместе пообедали и очень хорошо и серьезно беседовали. В памяти у меня осталось его просветленное лицо.

Апостол Павел пишет, что Бог наказывает нас «для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности» (Евр. 12, 10-11). Страдание помогает нам отвергнуть нечестие, мирские похоти (Тит. 2, 12), сострадать ближнему.

Заключенным и в общих беседах, и каждому в отдельности с величайшей корректностью и тактом надо объяснять смысл страдания. Многие до понимания этого смысла доходят сами, без книг и проповедей. Страдания заставляют задуматься о пройденном пути, о самом себе, о том, как быть дальше; страдания перерождают и очищают человека от всего наносного, внешнего и мусорного.

Тема страданий, крестоношения, к сожалению, почти выпала из современных проповедей и православной литературы. Нужны популярные брошюры о христианском отношении к страданиям и серьезное, рассчитанное на духовенство и учащихся духовных школ современное богословское и психологическое рассмотрение проблемы страдания.

Одной из задач священников и катехизаторов в тюрьме является воспитание в арестантах христианского отношения к страданию и подготовка их к прохождению этапа и к жизни в условиях ИТК, чтобы у заключенных, принявших Православие, не было бы в лагерях психологических срывов и продолжалась бы религиозно-духовная жизнь, начатая в тюрьме. Страдания могут вызвать уныние, ропот, раздражение и злобу. Отношение к страданиям выявляет духовный уровень человеческой души. Страждущему нужны любовь и внимание, вот почему даже неверующие заключенные с уважением и вниманием относятся к священникам и катехизаторам, приходящим в тюрьму...

Желательно, но не всегда, конечно, возможно, чтобы по выходе из заточения бывших зэков опекали их бывшие тюремные священники и катехизаторы. Это еще один довод, чтобы к тюрьмам и колониям прикреплялись бы приходы, а не один священник, связанный только с храмом конкретной тюрьмы или колонии.

Необходимо создавать центры православной реабилитации бывших заключенных. Основную роль в них могли бы играть сами бывшие арестанты, но, чтобы такие центры могли возникнуть, необходимы как церковное окормление, так и понимание и поддержка со стороны государственной и местной администрации.

Однажды я шел по длинному узкому коридору, разговаривая с высокопоставленным тюремным начальником. На одном из поворотов этого коридора мы почему-то остановились, повернувшись друг к другу. «Отец Глеб, — произнес он, ударив себя в грудь кулаком, — все говорят о заключенных, заботятся о них. А почему о нас никто не думает? Я же двадцать два года (!) «сижу» в тюрьме!»

с начальством у нас можно договориться». Для меня это было крушением бытующего мифа о злодействах начальства и надзирателей в тюрьме.

Но не надо и идеализировать. Тюрьма — это концентрация уголовного мира, и, общаясь с ним, трудно сохранить человеческий облик. Власть над людьми, если она не на любви и боли, часто развращает. Систематические дежурства в коридоре нередко порождают лень. С каким неудовольствием идет иной надзиратель открыть дверь камеры. «Солдат сидит (если не спит), а служба идет». Кричишь, кричишь по гулкому коридору, пока не появится, идя ленивой походкой, дежурный надзиратель с заспанным лицом.

А «воры в законе» с их неписаной, но безграничной властью в пределах ограниченного пространства! С ними приходится считаться любому начальнику тюремно-лагерно-режимного учреждения. Расчеты между собою «воры в законе» ведут обычно не в тюрьме, а на этапах и колонии.

А самогоноварение в камерах? А битье стекол в камерах летом и бунты осенью — «замерзаем»?

А захват заложников? Когда берут заложников и тем более убивают, — охрана звереет. Вспомните описанный в газетах бунт в санкт-петербургских «Крестах» в феврале 1992 г.

Конечно, бывают срывы. А не так ли случается и «на воле» с нашими начальниками и подчиненными? Но в следственных тюрьмах и исправительно-трудовых колониях это, естественно, приобретает более резкие и болезненные формы.

Среди младшего персонала тюрьмы встречаются и простые немудрящие и приветливые парни, и лодыри, и лица, с которыми в темном переулке, может быть, без молитвы встретиться страшно. В память впечаталась здоровая грудастая особа, перетянутая широким ремнем со щегольской висящей на нем черной резиновой дубинкой. Кобура, дубинка, вероятно, покрытая лаком, блестели и красовались на широком бедре своей хозяйки. Все меня обычно встречают наклонно головы и словами приветствия, а эта с высоты своего роста сверлила меня властными глазами. С каким наслаждением, подумал я, она может по малейшему поводу бить наотмашь своей блестящей дубинкой. Арестантки ее боятся.

Между прочим, отношения между женским обслуживающим персоналом тюрьмы (надзирательницами) отличаются значительно большей нервозностью, чем между мужским. Как священник, ходя по коридорам и камерам Бутырки в рясе или в подрыснике с иерейским крестом, я всегда чувствовал уважительное отношение к себе как со стороны руководства, так и рядовых сотрудников мужчин; а некоторые надзирательницы смотрели на меня, как будто хотели сказать: «Черное чучело явилось». Со стороны мужчин я ни разу не слышал нецензурного ругательства, а среди женщин-надзирательниц (но не со стороны заключенных) — случалось.

Добрая и заботливая Вера Ивановна и «особа» — два крайних типа женщин сотрудников тюрьмы.

Вероятно, к отбору и подготовке кадров тюремных надзирательниц надо подходить особенно внимательно и вдумчиво.

Работники СИЗО, ИТК и милиции в нашем обществе нередко рассматриваются как изгой. Еще В. Гюго отметил, что общество не любит тех, кто на него нападает, и тех, кто его защищает. Эпоха сталинских ГУЛАГов также сделала свое дело в нашем отношении к пенитенциарным учреждениям. И наша современная милиция нас не красит. Однако каждое обобщение, если оно справедливо, должно иметь пределы своей действительности. Среди работников тюрем и колоний имеется много хороших, добросовестных людей, нуждающихся в моральной и материальной поддержке. На их плечи ложится тяжелый и неблагодарный труд, без которого (увь!) наше общество существовать не может. Они достойны уважения каждого из нас.

Одному из них я подарил свою проповедь с надписью: «Соработнику на ниве нравственного возрождения».

— Хотелось бы начать с вашего отца, протоиерея Глеба. Он оставил о себе хорошую память. И фактически начал тюремное служение.

— Насколько я понимаю, он был отнюдь не первым, кто пришел в московский изолятор. Отец Феодор Соколов в первый раз оказался в Краснопресненской тюрьме (СИЗО-3) в 1989 году. Но есть принципиальная разница. Отец Феодор пришел в СИЗО, чтобы совершить требу. По-моему, было необходимо кого-то покрестить. Может быть, кто-то из священников раньше отца Феодора начал ходить в СИЗО. Не знаю. Но он был одним из первых. Отец Глеб вышел на открытое служение 2 октября 1990 года. Порог Бутырки, если я не ошибаюсь, он перешагнул в 1991

езерском монастыре. Если помните фильм «Калина Красная», Шукшин выходит из ворот именно этой колонии, тогда это была колония строгого режима. Мы встречались, общались с двумя заключенными, которые знали отца Глеба, к которым он ходил в камеру смертников. В этом фильме они вспоминают об отце Глебе. Был интересный момент такой: был фильм, посвященный Федору Петровичу Гаазу, там отец Глеб служил панихиду на его могиле. Были съемки и в Бутырской тюрьме, и приводится его рассказ, как он в камере смертников отмечал день рождения одного заключенного-смертника. Этот заключенный спустя 15 лет вспоминал, как отец Глеб пришел его поздравить, как принес ему апельсины

— В СИЗО-5 некоторое время назад выводили только одну камеру, и в ней может оказаться несколько мусульман, которые редко идут в православный храм на службу. И иногда бывало: приходят на службу всего только два человека. Представьте себе: хор, диакон, священник, алтарник, сколько людей. И всего два человека на службе, остальные ждут своей очереди.

— Выводить в храм можно только по разрешению суда, следственных органов, которые ведут дела заключенных.

— Надо получить это разрешение от следователя, чтобы пойти в храм?

— Да. Но в настоящий момент сложилась такая ситуация: мы служим каждую неделю по средам, за

писок, писем. Есть официальные каналы, есть официальные источники — все можно передать законно.

— Раньше, в советское время, это была пересыльная тюрьма?

— Да, она была пересыльная, а в начале 2000-х гг. стала таким же изолятором, как и все. Изначально она строилась как пересыльная на железнодорожных путях, поблизости от окружной железной дороги, там крупные сортировочные станции, с тем чтобы отправлять заключенных в ж/д вагонах, чтобы нигде они дальше не светились. Поэтому их привозили сюда и дальше по этапу направляли. Потом, со всякими кризисами, тюремная система железнодорожникам задала, те стали отказываться от перевозок, начали их возить автомобильным

— Да и потом нужно сидеть какое-то время, чтобы установилась связь с человеком, какой-то контакт. Чтобы потом носить вино и просфоры. Но если были там по несколько дней, то это маловероятно.

— Конечно.

— Я бы хотела вернуться к отцу Глебу. Он пошел в тюрьму по зову сердца, его никто туда не посылал, указов не писал. А сейчас мы перешли на какой-то другой уровень, то есть у нас все как-то организовано. Что-то мы от этого явно теряем, потому что это уже, как работа: тебя посылают, и ты идешь, делаешь. Это все-таки уже не элемент какого-то подвижничества. Некоторые священники к такому организованному служению скептически относились.

— Здесь по-разному, потому что есть и из назначенных по указу Святейшего, есть такие, которые весьма бы огорчились, если бы с них сняли это послушание.

— Это отец Константин, например?

— Есть и еще. Есть и те, которые как-то не сюда должны были попасть, которые бы сказали: «Наконец, слава Богу, меня освободили».

— Некоторые, может, боятся чего-нибудь? Нападения, захвата, за-разы или чего-нибудь еще.

— Не знаю. Это специфическое служение, точно так же, как военное служение, как служение в больницах. Это требует особого подхода. И далеко не каждый замечательный армейский священник может быть таким же замечательным больничным священником. В каждом служении есть свои особенности. Я в этом отношении немножко знаю всех.

— Да, не наше дело давать советы священноначалию, может, брать на тюремное служение в первую очередь добровольцев. У нас, например, пришел служить отец Максим Глухих, и чувствуется, что ему сюда и надо было.

— Есть еще одна проблема. Это отношение настоятелей к этим служениям. Не все радуются, что у него тот или иной священник занимается тюремным служением. Некоторые относятся так: «Тебе это послушание дали, это твои проблемы». В этом отношении было бы, может, правильным дать послушание настоятелям, или по крайней мере так, чтобы настоятель писал отчеты, как его подопечный священник исполняет свое послушание. Причем в равной степени считая и того, кто окормляет тюрьмы, и того, кто окормляет различные дома престарелых, больницы. Порой начальство считает, что служение в храме это главное, а остальное — факультатив.

— Отец Константин в интервью рассказывал, что он служит в трех местах, в том числе в Бутырке. И вот служба на приходе и в интернете поддерживают его тюремное служение. Например, находятся нужные люди, которые помогают в Бутырке — это люди из прихода, а в психоневрологическом интернете помогают технически.

— Да, и они, в частности, на Пасху варят и красят яйца. Однако настоятель должен к этому должным образом относиться. И служение в тюрьме не должно проходить по остаточному методу. У нас в тюрьме служба по средам. И вот составляется график и священник говорит старшему священнику СИЗО: на этот месяц меня в такую-то среду не поставили служить в храме, поэтому в эту неделю я могу служить. А нужно, чтобы он сам пришел к настоятелю: «Простите, у меня вот в такие-то дни послушание там-то». Настоятель в связи с этим и строит расписание. Я бы считал, что было бы правильно спрашивать с настоятеля, как часто его подопечный священник, клирик нес свое послушание в тюрьме, больнице и т.д.

— То есть надо еще учитывать нагрузку в храме, учитывать, что он еще и там служит.

— Естественно. А не так: у тебя два выходных есть, вот на них ты этим, пожалуйста, и занимайся, это твое личное дело.

— Я забыла спросить, у вас сейчас отдельное здание для храма построено? Либо отведена камера какая-нибудь?

— При отце Феодоре храм занимал одну камеру, потом в середине

Тюремное служение — это не факультатив

Интервью со старшим священником СИЗО-3, настоятелем московского храма Живоначальной Троицы в Грязех, протоиереем Иоанном Каледой

году. Но как сам отец Глеб говорил, однажды войдя в тюрьму, он не смог из нее выйти. То есть после этого у него началось систематическое окормление заключенных.

— Надо отметить, что все-таки отец Феодор Соколов занимался и армией, то есть у него был более широкий охват. Он не был сфокусирован на тюрьме.

— Да, отец Феодор занимался всем. Куда его звали, он там и был. Если его сегодня зовут в армию, — он идет в армию, если завтра зовут в тюрьму, — он идет в тюрьму, послезавтра еще куда-нибудь — он там-то. Отец Глеб, попав в Бутырку, стал ее регулярно посещать: раз, два в неделю, может, порой и чаще.

— Тогда ведь еще была камера смертников...

— Да, насколько я понимаю, он был первым из московского духовенства, кто пришел и в камеры смертников.

— У него были какие-то знакомства, связи в этой системе? Или это было как-то неожиданно для власти?

— Нет, все было просто. По существу так. Все контакты с соответствующими учреждениями, по существу, это призыв чиновников. Произвол в том смысле, что сейчас законы это не запрещают, но не могут обязать. Поэтому степень нашего присутствия в этих учреждениях зависит от конкретного начальства. Когда отец Глеб попал в Бутырку, вскоре кто-то из находящихся в камере смертников попросил к себе священника, имея желание креститься. Первое посещение камеры смертников тщательно готовилось. Отца Глеба провели в камеру, дверь камеры не запиралась: она была приоткрыта. В коридоре стояло энное количество охранников, готовых в любой момент вмешаться, чтобы спасти отца Глеба. В последующие посещения уже бывало так, что отец Глеб приходил, его запирали в камере вместе со смертниками, и он говорил, через сколько часов за ним прийти.

— У него не было страха? Ведь если человек, смертник, обречен, он может, естественно, сотворить что угодно. Грубо говоря, потерять ему нечего.

— Знаете, когда человек сам хочет и просит свидания со священником, то ожидать от него каких-то действий не стоит. Если, скажем, священник будет сам напрашиваться, навязываться, вот тут с чьей-то стороны может быть и всякое негативное действие.

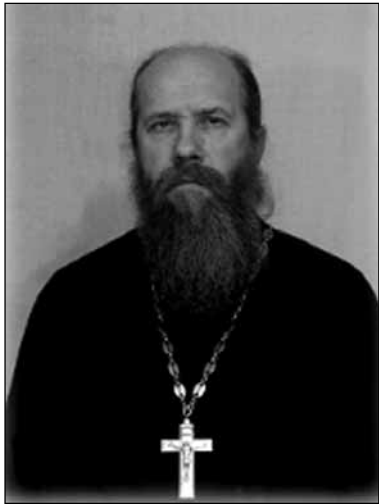
— То есть он довольно много раз ходил в эту тюрьму?

— Да. В камеры. Насколько я знаю из рассказов отца Глеба, там был целый коридор из таких камер. С некоторыми его подопечными смертниками я позже встречался.

— Там же? В тюрьме?

— Дело в том, что, как известно, в начале 90-х годов на смертную казнь был объявлен мораторий, и очень многим смертная казнь была заменена на пожизненное заключение.

Был фильм про отца Глеба. И когда снимался этот фильм, я ездил со съемочной группой на «пятках» — это колония для пожизненно заключенных № 5 в Вологодской области, в бывшем Кирилло-Ново-

протоиерей Иоанн Каледа

(кстати, апельсины в передачах принципиально запрещены, так как их можно накачать чем-нибудь). Начальство отцу Глебу разрешило принести их, потому что ожидать от него каких-то таких противоправных действий не приходилось.

— А вы сами начали уже в 1995 году посещать Краснопресненскую тюрьму?

— Да. Отец Феодор Соколов организовал в одной из камер совместно с руководством краснопресненской тюрьмы домовый храм. Это, кстати, первый храм, открытый в московских изоляторах. Он был освящен 6 ноября 1992 года. Бутырский храм был освящен чуть-чуть попозже из-за проблемы с помещением и разных других сложностей. Так что первый тюремный храм был освящен на Красной Пресне, он стал приписным к храму Спаса Преображения в Тушино, и священники тушинского храма его и окормляли. Когда отец Феодор передал владыке Арсению документы на мое рукоположение в священники, то владыка Арсений пошутил: «По нему давно тюрьма плачет». Сразу же после рукоположения в феврале 1995 года я получил благословение от отца Феодора окормлять заключенных Красной Пресни. С того момента послушание в тюремном храме нес практически я один. Когда же в конце декабря 1996 года я был переведен сюда, на «Грязи», то я продолжал служить на Пресне, хотя настоятелем храма числился отец Феодор и храм был формально приписан к тушинскому храму. Потом, уже в 2003 году, была реорганизация тюремного служения, и к каждому из московских изоляторов были приписаны около десяти священников из различных храмов. С этого времени я являюсь старшим священником в СИЗО-3.

— Я слышала, что ситуация даже в московских СИЗО сильно различается. В Бутырке приводят заключенных не из одной камеры, а из нескольких. Так что проходят нормальные службы, и храм напоминает приходской. Конечно, смотрят, чтобы проходящие по одному делу не могли оказаться вместе. Значит, там как-то они договорились с начальством, хоть это и нарушение.

— В Бутырке — исторический храм. Да, он был передан, сейчас он возвращается к первоначальному виду.

редким исключением, когда по каким-то причинам служба не состоит. Несколько раз были какие-то мероприятия, и учреждение было закрыто для входа-выхода, несколько раз бывало, что служащий священник заболел. Если поздно вечером или рано утром это выясняется, то, сами понимаете, что заменить его бывает очень сложно. А так мы служим каждую среду. И тут получилось так, что такое разрешение поначалу было чуть ли не у двоих-троих, которые приходили каждую неделю, но зато это были люди, которым действительно служба была нужна. Число их стало увеличиваться, сложилось так, что подследственные сами читали часы, читали благодарственные молитвы и т.д. Так что в этом отношении нам было проще и легче. Потом однажды при очередном запросе суд и начальство объяснили, что это грубейшее нарушение. Если, конечно, приравнивать штатного священника, который, образно говоря, является сотрудником учреждения, ко всяким родственникам и знакомым, ставить их в одинаковое положение...

— То есть, как свидание, получается?

— Да, как свидание. Я, отнюдь не приветствую, когда какие-то священники хотят непременно сами прийти исповедовать и причастить того или иного заключенного.

— Которые не назначены служить в этот СИЗО? Какой-то посторонний священник?

— Да, вот у какого-то священника оказалось там духовное чадо, родственник, и он непременно сам лично хочет его посетить.

— Он не имеет опыта тюремного служения, может не знать каких-то правил?

— Мы понимаем, что для находящегося там самое главное исповедоваться и причаститься. А для этого не нужно того или иного священника. Исповедоваться и причаститься можно у священника, который служит в изоляторе.

А это какие-то душевные переживания. Мы прикреплены к СИЗО, мы несем ответственность за тюремное служение, и нас священноначалие благословило, и значит, оно тоже несет ответственность за то, что мы там сотворим. Естественно, мы уже знаем соответствующие правила поведения: что можно, что не нужно.

— Иначе сказать: есть опыт тюремного служения в СИЗО?

— Да. Заключенному нужен молитвослов, Евангелие, Библия. Пожалуйста, мы это можем обеспечить. Но когда во что бы то ни стало нужно передать именно этот молитвослов вот этому заключенному... Напрашивается вопрос: «А что там в этом молитвослове?» А там тайнописью между строк ничего не написано?

— Может, были какие-нибудь случаи? Приведёте примеры?

— Я не могу сказать, были ли конкретные случаи, но в принципе это не исключено. Поэтому, если нужен молитвослов, — пожалуйста. Часто и родственники приносят: «Вот молитвослов, передайте, батюшка». Это другое дело. А то вот именно этот экземпляр, вот именно этому. Не говоря уж о передаче за-

транспортом. А в этом случае какая разница: откуда везти их на машине? Зачем их перевозить, например, из Бутырки в Красную Пресню, потом из Красной Пресни куда-то дальше? Лучше сразу напрямую.

— Отец Константин Кобелев, старший священник в Бутырке, особо почитает новомучеников. Он считает, что они покровители тюремного служения, и собрал много историй об их жизни в Бутырке. Священномученику Серафиму Чичагову даже сами стражники приносили вино и просфоры, чтобы он служил Литургию. Конечно, это было возможно только сразу после революции, но это было. А в вашей тюрьме тоже были новомученики? Что вы можете сказать об этом?

— По делам известно, что многие новомученики и исповедники про-

о. Глеб Каледа в год 45-летия Победы

ходили через Бутырку. По-моему, отец Константин имеет список уже более двухсот человек, за достоверность цифр я не ручаюсь, очень много. Данных по Красной Пресне нет.

— Сколько они могли там находиться? Неделю, две?

— Они бывали очень коротко.

По-моему, где-то в воспоминаниях у владыки священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого) вскользь есть упоминание о том, что он был в пересылке. И обычно все вспоминают в письмах именно основное место, где они были и куда передачу носили. А о пересылке — очень кратко.

— Когда эта тюрьма была построена?

— Тюрьма была построена в предвоенные годы.

— То есть там никакого храма не могло быть?

— Нет, где-то в 1936-1937 гг. или в 1935... Сейчас я точно не помню.

— То есть до революции не было необходимости в такой тюрьме?

— По крайней мере, здесь ее не было. Поэтому первоначально здесь, конечно, никакого храма не могло быть. О том, что кто-то здесь служил Литургию, я думаю, говорить не приходится, потому что все вот эти воспоминания относятся отнюдь не к концу тридцатых годов. Это, возможно, было в двадцатых, частично в начале тридцатых. Но не в 37-38 гг.

2000-х гг. во всей тюрьме шел капитальный ремонт, он еще не во всех корпусах доведен до конца. И во время этого капитального ремонта на полтора года храм был закрыт, но в это время его площадь была увеличена в два раза, так что там сейчас полноценный домовый храм.

— Отдельно стоящий?

— Нет, отдельно стоящий там поставить принципиально негде. Старый храм имел длину алтаря, внутренний размер два десяти. Престол 70 х 70, чуть-чуть у горнего места и чуть-чуть между царскими вратами и престолом. Земной поклон сделать невозможно. Открываешь царские врата так: шаг влево открываешь правую створку, шаг вправо открываешь левую.

— А престол все равно в центре алтаря? Вот у сербов и греков он иногда на горнем месте.

— Был в центре. Но я считаю, что в таких маленьких храмах целесообразно, чтобы престол был придвинут к горнему месту, так же, как я встречал в Греции, встречал в пещерных монастырях в Грузии. При том размере алтаря, который был, можно было бы тогда перед престолом спокойно и земной поклон сделать, можно было бы чуть-чуть побольше и престол сделать.

— А храм кому посвящен?

— В честь иконы Божьей Матери «Споручница грешных».

— А какие еще особенности в вашем тюремном храме?

— Считаем, что семисвечник в данном случае целесообразно сделать в виде семи подвешенных лампад, что тоже экономит место. У нас семисвечник стоял за престолом, и там «съедал» место. На престол поставить нельзя — престол маленький.

— То есть это общие проблемы храмов в СИЗО?

— Да. В колониях есть площадь, где можно построить отдельный храм.

— Кстати, вы еще в Мордовию ездите?

— Да, езжу. Но, это три-четыре раза в год.

— Ваш храм, наверно, как-то помогает и переписываться с мордовскими заключенными.

— Да, началось все с переписки. Потом заключенные стали (это женская колония) звать Анну, сотрудницу нашего храма, к себе, просили связаться ее со священником, игуменом Тимофеем, который окормлял их колонию. Отец Тимофей стал ее звать. Она потом начала ездить с ним на службу, естественно, привозя что-то каждый раз для заключенных. Естественно, в переписке перед ней ставились вопросы, которые приводили ее в недоумение, и она обращалась за советом ко мне.

Потом отец Тимофей стал и меня звать. Мы стали сговариваться, ездить вместе. Я служил и в еще одной женской колонии.

— Тут мы говорили о служении, о взаимоотношениях священника и настоятеля. Сейчас вопрос поднимается о штатном духовенстве. Это, конечно, хорошо, но как священнику организовать служение без людей, без помощи. Все это трудно будет найти, если он не будет служить еще и на обыкновенном приходе.

— Вопрос о штатном священстве абсолютно неправильно поставлен. Да, есть назначенные священники в разных епархиях. Им выделяются какие-то суммы. Но абсолютно никто не подумал, что для того чтобы священнику провести службу, ему по крайней мере нужен один певчий, чтец, ему нужны просфоры, вино. Получается, что из той весьма скудной зарплаты, которая ему платится, он должен обеспечить еще и одно, и третье, и пятое, и десятое. Он оказывается без поддержки, брошен сам по себе — как хочешь, так и вертись. Священник, который совмещает служение и в местах лишения свободы, и служит на приходе, он как раз что-то и может за счет прихода. Начиная с того, чтобы взять певчих с собой.

— В плане взаимодействия получается, что и ФСИН становится как бы частью его начальством. Если он там будет получать зарплату, то окажется в подчиненном состоянии. Да и непонятно, как заключенные могут на это посмотреть.

— Мне кажется, что вопрос, как смотрят заключенные, надуман. Если он и будет получать зарплату от

колонии, тут еще начальство может как-то влиять. Если он будет получать во ФСИН, то другое дело. Но это уже легко регулировать на уровне епархиального начальства, выстраивать взаимоотношения, соглашения о взаимодействии, где прописано. Увы, на сегодняшний день нет правовой базы для тюремного служения Церкви.

Протоиерей Иоанн в Аргунском ущелье

— Сегодня я читала в новостях про Казахстан, что там вообще запретили служение в любых государственных учреждениях. У них еще фактически не было тюремного служения, но его и не будет, потому что закон такой приняли. Насколько важно соглашение со ФСИН, которое подписали в феврале этого года?

— Соглашение — это надежда на долгосрочное сотрудничество. У нас может прийти и другая власть.

Придет другая власть и издаст новый закон, и все может перемениться. Мы действуем, основываясь на ситуации в настоящий момент. А вот правовая база, где говорится, что священник имеет право делать, куда он имеет право идти, — это другое дело, это нечто весомое. Или вот вопрос: он может только в храме находиться, или он может пойти и по камерам. Пойти по камерам

это вопрос сложный, ведь это нужно штат для таких походов обеспечить. Это легко говорить, что вы вот ходите по камерам, но для этого нужно, чтобы были выделены люди из числа сотрудников. В Красной Пресне сейчас большой недокомплект сотрудников, я знаю.

Причем, это не пустые слова. При мне было ЧП. Я в комнате дежур-

ного персонала общался с одним из заключенных. В камере кто-то стал что-то требовать и буянить, выбил закрытую кормушку, стал высовывать голову. И такое бывает...

У нас есть и спецкорпус, в принципе нас и туда приглашают и просят прийти. Но опять-таки, сегодня это есть, а завтра начальство сверху решит, что не надо, и будет так. Сейчас сотрудники понимают, что мы облегчаем им жизнь, им спокойнее, если священник работает с заключенными.

— Кстати, сотрудники бывают у вас на службе? Или, если даже попадают верующие, то они как-то предпочитают ходить в приходской храм.

— Есть сотрудники из воспитательной, которые по возможности стараются быть в храме. Чтобы при всех кто-то исповедовался, причащался — редкость. Была старушка-

библиотекарша, она причащалась.

— Там есть какое-то напряжение, видимо...

— Сотрудники, во-первых, перед другими стесняются проявить свои чувства. Есть и те, кто с интересом относится к нам, к Церкви.

— Вот еще вопрос про либерализацию уголовного кодекса. То есть, грубо говоря, сейчас стараются меньше сажать. За отдельные составы преступлений собираются смягчить наказание. Например, гораздо меньше стало содержаться людей в СИЗО.

— Сейчас количество заключенных в принципе падает. Я думаю, что это положительный процесс.

То есть где-то в 90-х-2000-х гг. было перенаселение, а сейчас... Значит, на моей памяти при штатной численности 1,5 тысячи, сейчас, после евроремонта, поменьше, на моей памяти было 4 200. В три раза больше.

— У тюрьмы есть специфический запах. Отец Константин Кобелев говорил, что начальник СИЗО «Бутырка» Телятников боролся с тюремным духом, запахом. И вроде победил его.

— Вообще-то тюремный запах, конечно, есть. Мы с покойным отцом Николаем Матвиенко (он после отца Глеба был настоятелем в Бутырке), настоятелем храма Всех Скорбящих на Ордынке, в 1995 году были на конференции по тюремному служению в Соединенных Штатах и в Канаде. Да, там все хорошо, чисто, а дух тюремный тот же самый.

— Вы еще можете назвать тех, кто занимается тюремным служением?

— Отец Феодор, отец Глеб, отец Николай — все уже покойные. В Лавре отцом Никодимом долгие годы СИЗО окормляет, тоже одним из первых начинал.

В Москве отцом Владимир Чуви-хин, 6-й изолятор, отец Константин Кобелев — это самые старые и опытные служители.

— Спасибо, отец Иоанн. Хотелось, чтобы, как пел Высоцкий: «Не осталось на России больше тюрем, не осталось лагерей...» Но пока этого не предвидится. Так что работы у вас хватит.

Беседовала Ольга ПАХОМОВА

Я и дети мои

«ВОТ Я И ДЕТИ МОИ, КОТОРЫХ ДАЛ МНЕ ГОСПОДЬ», — так сказал пророк Исайя (Ис. 8.18).

Мои дети — это те, кто находится за колючей проволокой. Так уж сложилось.

Ещё много лет назад, будучи школьницей, я переписывалась с дальним родственником, который сидел в тюрьме несколько раз. Когда он в очередной раз выходил, то навещал нас. Это был спокойный улыбчивый человек, который мало говорил и много читал. Он никогда не ходил в футболке — стеснялся татуировок.

Отсидела в сталинские годы 8 лет моя бабушка. Те же самые 8 лет провела в тюрьме бабушка моего мужа. И вот в 2003 году я снова получила письмо из зоны. На этот раз мне писала из Мордовии моя сестра по матери, с которой мы до этого не виделись много лет.

В то время я жила в Сергиевом Посаде и за послушание рассматривала письма заключенных в картотеку по алфавиту. В лавру писало ни много, ни мало — 9000 человек. Мне велели предварительно ознакомиться с инструкцией по переписке. На конверте ставили дату получения письма, а на обратной стороне — перечень того, что отправлено заключенному по его просьбе.

Я начала писать сестре. Вскоре она дала мой адрес женщине, находившейся в отчаянном положении, потом ко мне обратилась другая, и вскоре их стало довольно много. У них тогда было невероятно трудное положение в колонии. Все письма написаны буквально кровью и слезами. Плохая еда, болезни, отсутствие элементарной медицинской помощи, предметов гигиены. Приходилось уповать только на Божие милосердие и помощь.

В посылках я стала отправлять иконы, православную литературу. Иногда приходилось таскать на почту по 6-7 посылок к праздникам — на Покров, Рождество, Пасху. Вскоре в колонии появилась моленная комната. А в 2004 году построен храм в честь св.вмц. Анастасии Узорешительницы.

Из письма Лены Ш., ИЛ-14:

«Лариса, я покрестилась в январе 2004 года. До сих пор не могу понять, как это произошло. Какая-то неведомая сила подтолкнула меня к этому. Я проснулась утром, и внутренний голос сказал мне: «Иди». Тогда еще была моленная комната. И я пошла туда.

В это же утро приехал батюшка, и в это же утро свершилось таинство крещения. Я начала ходить в моленную комнату каждый вечер, по несколько часов стояла перед иконами, это было на протяжении пяти месяцев. 6 июня 2004 года в отряд, где я живу, пришла завхоз зоны и сказала, что нужны желающие копать канавы под фундамент храма. Я не знала, что будет строиться храм, не могла даже подумать, поверить почему-то не могла, что в зоне будет храм. И я пошла.

Нас было 7 человек, 7 женщин. Так и началось строительство православного храма в честь великомученицы Анастасии Узорешительницы в ИК-14. Многие шли, чтобы поработать на храме, но мало кто остался до конца. Много было званых, но мало избранных. Из семи человек из моего отряда осталось трое, и двое было с другого отряда. Мы строили, помогали строить со слезами на глазах. В самом прямом смысле. Мы плакали от счастья, от того что мы строим этот храм. Пять месяцев шло строительство.

21 ноября 2004 г. храм наш был освящен епископом Саранским и Мордовским Варсонофием.

Знаете, Лариса, вот если сравнить, как я верила лет 5 назад и сейчас — можно смело сказать, что тогда еще я не верила. С 2004 года во мне многое изменилось. Куда бы я ни шла — на проверку, на работу, в отряд, — я всегда мысленно с Отцом. Я с Ним разговариваю всегда и везде. Храм стал единственным другом, которому могу рассказать все-все. В нем я чувствую себя защищенной, там я в безопасности.»

Года три назад ИК-14 начал посещать наш настоятель — о. Иоанн. Каждый его приезд вызывал бурный отклик радости и благодарности. Это можно увидеть в письмах, размещенных на этом сайте.

В 2005 году мой духовник, вернувшись с Соловков, дал мне письмо от заключенного из Карелии, попросив отправить ему посылку от имени братии Соловецкого монастыря, что меня крайне смутило. Так началось мое общение с мужскими колониями. Сейчас из этой колонии пишут несколько человек.

Периодически читаю журнал «Русский дом», я не могла не откликнуться на пронзительные просьбы заключенных из глубинки прислать духовную литературу. Посылала и тут же получала письма. Они нарастали, как снежный ком. Вопросы-вопросы-вопросы

о духовной жизни, горестные рассказы о сломанных жизнях и искалеченных судьбах. И одна просьба — НЕ БРОСАЙТЕ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ПИШИТЕ.

Пришлось купить принтер, так как мужчины-заключенные хотят серьезно изучать основы православной веры, у них возникает очень много вопросов. Часто приходится копаться в Интернете, чтобы найти нужные ответы. Поэтому письма получают довольно пухлыми и увесистыми.

Иногда письма заключенных ставят в тупик и приходится прибегать к помощи о. Иоанна. Тогда он внимательно читает письма и всегда очень быстро реагирует, давая нужные указания. Каждый раз меня поражает его духовная чуткость, деликатность и неизменное сострадание. Однажды молодой заключенный, бывший иподьякон, попросил разрешения задать мне вопрос по 7-й заповеди. В свою очередь я просила его изложить вопрос на бумаге, сказав, что обращусь к о. Иоанну. Батюшка, прочитав этот вопрос, достал ручку, сам написал несколько слов и попросил отправить. Парень потом очень благода-

рился. Вообще я заметила, что мужчины намного откровеннее женщин. Они без прикрас описывают свою жизнь, преступления, ошибки, вспоминая иногда шокирующие подробности, как бы оголяя свою больную душу.

Я часто обращалась к подругам и знакомым с просьбой помочь в переписке с заключенными. Ответ почти всегда отрицательный: «Я не могу, я не знаю, что писать».

Некоторые начинали, но в скором времени переписка угасала.

Зная об этом послушании, мне помогали материально многие люди, в том числе и наши прихожане, за что приношу им сердечную благодарность. А потом староста храма предложил реальную помощь: определенный человек стал ходить за письмами на почту каждую пятницу, другие — ходить по магазинам за покупками, третьи — отправлять посылки. Стало намного легче, слава Богу. Кроме того, мне выделили место для работы, все письма были расставлены в картотеке по именам.

В настоящее время в храм пишут около 18-20 человек. С некоторыми освободившимися женщинами мы поддерживаем контакты. С одной из них мы стали близкими друзьями. Могу сказать, что я невероятно счастливый человек — мне приходится регулярно читать столько добрых, проникновенных, благодарных слов в свой адрес. На праздники я получаю массу открыток и рисунков. Читаю стихи и рассказы.

Хочу ещё раз обратиться ко всем: не бойтесь переписки с заключенными — это бедные оступившиеся люди, которым просто не хватает доброго участливого слова и простого человеческого общения. Вы им даёте небольшую частичку себя — всего лишь одно письмо в полтора месяца. А получаете взамен огромную благодарность несчастного узника, его проникновенные молитвы о вас и Божие благословение.

Ведь на Страшном Суде Господь спросит каждого из нас: «А Ты пришёл ко мне в темницу?» Что ответите Вы?

И ещё несколько слов:

Конечно же, заключенные обращаются с просьбами материального характера — это и вещи на освобождение, и очки, и лекарства. Мы планируем вывешивать списки требуемых вещей на стенде ТЮРЕМНОЕ СЛУЖЕНИЕ и на сайте.

Желающие оказать ЛЮБУЮ помощь в деле тюремного служения могут звонить по тел. 495-8540 или 8 910 495 2935, а также писать на электронную почту: hrustal_lik@mail.ru.

ХРУСТАЛЕВА Лариса Сергеевна

Служение тюремного священника внутри тюремных оград, среди лишенных свободы обитателей их удалено от взоров и наблюдений людей свободных, за исключением лиц, имеющих непосредственное служебное отношение к тюрьме, и потому мало известных обществу. В недавнем и, кажется, еще не оконченном вопросе о преобразовании наших тюрем, правда, иногда говорилось о значении и важности пастырского служения священника в тюрьме, о его влиянии на исправление заблуждающихся сынов общества, но говорилось кратко и притом с отвлеченной точки зрения. В настоящей статье имеется в виду подробно изобразить служение тюремного священника в практическом применении его обязанностей и положение его самого на сем месте служения как должностного лица.

Прежде всего нужно сказать, что тюремный священник гораздо более, чем приходские священники, имеет возможность поставить свой пастырский авторитет перед пасомыми и сделать свое нравственно-религиозное влияние на них более сильным и действительным. Во-первых, все заключенные в тюрьме, без сомнения, переживают трудные минуты жизни, находятся в таком душевном состоянии, в котором человек скорее всего вспомнит Бога и Его закон и прилепится к Церкви и ее священнослужителям. Во-вторых, заключенные в тюрьме окружены начальствующими по отношению к ним лицами со всеми их строгостями. Один только священник относится к ним исключительно с духом кротости и братской христианской любви и заменяет для них и родных, и друзей, и знакомых, а потому заключенные могут относиться к нему просто, не питать к нему какой-либо неприязни или опасений, как это бывает у них по отношению к чинам административным, напротив, должны желать сближения со священником в откровенности. Таким образом, положение священника среди заключенных в тюрьме, как прихожан его, есть положение совершенно правильное и наилучшее, и он при собственных наилучших душевных качествах, способностях и усердии может и должен действовать на заключенных сильнее всех уголовных уложений, всех судебно-гражданских мер и взысканий.

Ввиду такой важности их, тюремный устав довольно подробно и внушительно предугадал обязанности священника как относительно Богослужений в церкви, так и относительно религиозно-нравственного влияния его на пасомых. В 94, 95, 100, 102 и 105 инструкции смотрителю губернского тюремного замка, которая помещена была по изданию устава о содержании под стражею 1857 г. в приложении к ст. 96, говорилось, что богослужение в церкви тюремной должно совершаться во все воскресные и праздничные дни и дни высокотожественные, во все дни 1-й и 7-й недель Великого поста и в среду и пятницу каждой остальной недели этого поста, во все недели Пасхи и сверх того в продолжение всего года в два будничных дня еженедельно, одним словом, не менее трех служб в неделю, а иногда более. Очевидно, что в исчислении дней и недель, в которые должно совершаться богослужение в тюремной церкви, взято максимум. Более частого совершения богослужения едва ли можно было требовать от священника, если он один при церкви. Но по отношению к тюрьме это так и должно быть. У заключенных все удобства и побуждения к частому посещению храма Божия: и близость его, и свобода от дел житейских, и особенное душевное и телесное состояние их. К этим обязанностям священника нужно, по 100 той же инструкции присоединить говение всех арестантов один раз в год, а также, согласно 158, совершение всех треб церковных по тюрьме, как то: напутствование больных, похороны, крестины и совершение браков. Крестины и браки бывают очень редко в тюрьме. Что касается до похорон и напутствования больных, то исполнение этих двух треб много доставляет труда для священника. Статистических данных для определения количества заболеваний и смертности в тюрьмах вообще мы не имеем, поэтому ограничимся указанием

частным. В губернских тюрьмах, в которых число содержащихся колеблется около 400 человек и которые, кроме того, служат пересыльным пунктом, в продолжение года бывает от 30 до 40 похорон, а напутствований надобно полагать вдвое более: от 60 до 80.

Затем в той же инструкции были указания и относительно пастырской деятельности священника по тюрьме, а именно: священник должен по крайней мере два раза в неделю пройти в камеры и побеседовать с арестантами с целью религиозно-нравственного наставления, вразумления и проч., а по 159 вменяется ему в обязанность обучение несовершеннолетних арестантов Закону Божию и другим предметам. Насколько велик труд священника по исполнению этих последних обязанностей, видно из следующих замечаний той же инструкции 157: «Священник должен оз-

Священник тюремной церкви¹

накомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его доверенность к себе и основать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам».

Значит, недостаточно, чтобы священник вел общие беседы с целыми партиями и предлагал общие советы и наставления, он должен говорить с каждым отдельно, должен узнать, каковы были обстоятельства его жизни — семейные, общественные, экономические — до поступления в тюрьму, в чем он был судим или будет судиться, и проч., и проч., какие его особенные религиозно-нравственные недостатки и похвальные качества его души, и сообразно всему этому предлагать советы, вразумления частные, направленные к тому или другому из арестантов в отдельности.

Отсюда нельзя не видеть, что священник по исполнению всех его обязанностей, каковые с большою определительностью были указаны в упомянутой выше инструкции, должен быть в тюрьме каждый день — то для службы в церкви не менее трех дней в неделю, то для исполнения разных треб (раза два в неделю), то для собеседования с арестантами (два раза в неделю), то для обучения несовершеннолетних арестантов. И такие посещения им тюрьмы не могут быть кратковременны, как видно из прописанных занятий: иногда он пробудет один час, иногда два, три и даже до пяти часов безвыходно (например, в Великий пост для богослужения и исповеди арестантов).

Но, что всего тяжелее, — вся его деятельность совершается внутри самой тюрьмы, при ее специальной обстановке, со всею скудостью и ограниченностью, со всею мрачностью и угнетающим видом. Особенно тяжелы для священника и вредны для здоровья посещения им камер пересыльных арестантов. Пересыльных арестантов составляет вконец промотавшийся люд со всех сторон европейской и азиатской России. Оборванные с ног до головы, полураздетые, грязные, с всклоченными волосами, изможденные голодом, холодом, пьянством, распутством — это, по большей части, блудные сыны, жившие «на стороне даче», но не сами, не по своему раскаянию возвращающиеся к отцам своим, а насильно возвращаемые правительством на место их родины. И в этот-то вертеп отвратительного вида идет и должен идти священник тюремный; должен и по закону духовно-гражданскому, и по сознанию своего пастырского призвания напомнить этим людям, что есть Бог, Которого надобно почитать и Которому надобно помолиться, что есть добрые люди, которых надобно постыдиться, есть у каждого свои родные, которых надобно пожалеть, и проч., и проч. Одним словом, священник должен побеседовать с ними или помолиться к душевной или телесной их пользе; и такие посещения им пересыльных арестантов нередки, потому что партии их еженедельно и два раза в неделю сменяют одна другую.

Но это внешнее положение священника в тюрьме со всею его непривлекательностью и вредом для здоровья есть ничто в сравнении с душевными волнениями, сокрушениями, жалостями, которые он постоянно испытывает, стоя в самых близких, отеческих отношениях к своим пасомым, будучи свидетелем самых крайних, ужасных их душевных состояний и безотрадного, часто непоправимого их положения. Вот он видит перед собою человека, четыре-пять раз попадавшего в тюрьму, привыкшего совершать преступление за

преступлением, потерявшего, по-видимому, всякую людскую совесть, с самодовольством объясняющего, что он попал в тюрьму за такие-то и такие воровские доблести, сроднившегося с тюрьмою и довольного собою и своим положением; вот рядом с этим видит другого, в первый раз попавшего в тюрьму, по увлечению или по другому какому-либо случаю соделавшего преступление, с нетерпением ожидающего окончания срока наказания, кающегося пред Богом и людьми, соболезнующего о своей осиротелой семье, и вот вместе с этими видит еще человека, именуемого арестантом, невинно заключенного в тюрьму, оклеветанного, истерзанного судебными дознаниями, иногда ложными показаниями свидетелей, выслушавшего убийственный приговор о мнимой виновности и незаслуженном наказании, а посему или неутешно плачущего, не чающего перенес-

ти столь тяжелое испытание, или же благодушно, с преданностью воле Божией и без ропота на людские ошибки и несправедливости подчинившегося судьбе своей и отбывающего срок наказания, подкрепляясь надеждою возвратиться снова к мирной, свободной жизни. Вот встречается с таким невинным страдальцем, который по роду преступления, ошибочно поставленного ему в вину, назначен на пожизненную ссылку или на долговременную каторгу. Будучи лишен всякой отрадной надежды, такой поселенец или каторжник ожесточается против всех и вся или же, чаще всего, отрешается от всего мира — от всего, что было для него дорого в нем, впадает, так сказать, в душевное онемение, не желая даже вспоминать и представлять того, что с ним было, что будет дальше. Слезы уже все вытекли из глаз его, оставив на лице глубокие следы, сердце после сильных порывов и трепетаний затихло и едва-едва бьется; энергия исчезла, рассудок ничего не предпринимает: во всем существе его какое-то омертвление. И много, много еще можно указать категорий среди прихожан тюремного священника, а еще более — отдельных личностей и их душевных настроений: скорбных или озлобленных, покаянных или закоснелых, безумно радующихся или безутешно плачущих, томительно ожидающих окончания срока или довольных своим положением. Но ничего нельзя найти радостного в их положении — одно только для священника горе с ними, все они представляются жалкими людьми и несчастными. Как пастырь, как духовный отец, как домашний собеседник, как единственное лицо для всех заключенных, с которым они могут быть вполне откровенны, которому могут поведавать свои тайны душевные, при котором могут излить, как говорится, всю свою душу, он должен тщательно и сочувственно выслушивать их, входить в их положение, ставить себя самого на их место и проникаться их настроениями и отсюда извлекать для них кому вразумление, кому совет, кому ободрение. Ибо что значит вразумить заблуждающегося, который перестал сознавать путь гибели и чувствовать силу своего бедственного состояния? Не должен ли вразумляющий сам за него проосознать и прочувствовать пред ним всю гибель и мучительность его незаконной жизни. Что значит утешить скорбящего? Не значит ли его скорбь возмечь в сердце своем, выразить скорбь перед ним и потом уже преподавать утешение. Какими словами и доводами можно ободрить отчаявшегося более, чем сочувствием в безотрадности его положения и собственным воодушевлением из глубины сочувствующей души? Чем скорее можно остановить или хотя умерить слезы плачущего, как не взаимными слезами искреннего сожаления?

Таков в общих чертах нравственный труд тюремного священника — труд столь тяжелей и разнообразный, что требует постоянных усилий и напряженной деятельности ума и сердца, и воли. Но всякий труд, особенно усиленный, должен сменяться отдыхом, сопровождаться вознаграждениями. Нравственный труд требует и нравственного отдыха, нравственного вознаграждения. Не все печалиться и сочувствовать печальным, необходимо и законно после печали порадоваться, после сочувствия в печали принять участие в радости, после благого совета, утешения, ободрения — видеть благие последствия этого. Но, увы! Священник тюремный лишен этих нравственных вознаграждений. Все его прихожане, чада по духу, друзья

и братья по взаимному перенесению скорбей — временные, пока они находятся в тюремном заключении. Пройдет определенный для каждого срок, и они навсегда удалятся от своего пастыря (а если некоторые и возвращаются, то не к радости, а к большему огорчению его), порывая всякие нравственные связи с ним, удаляются кто в отдаленные места, кто на прежнее место своего жительства. Некоторые, может быть, и вблизи него живут на свободе, но не принадлежат ему как прихожане и или совсем забыли его, или стараются забыть, чтобы ни о нем, и ни о чем не вспоминать из тяжелой жизни их в тюрьме. И ныне есть люди, подобные библейскому виночерпию, которому Патриарх Иосиф в Египетской темнице по братскому сочувствию объяснил сон и предсказал возвращение его к счастливой жизни при царском дворе и которого просил вспомнить о себе по выходе из темницы, но виночерпий, возвращенный к царскому двору, забыл о своем благодетеле Иосифе, пока не нашло его само Провидение. Итак, священник тюремный не видит той счастливой жизни своих духовных чад и братьев, которая для многих из них настала по выходе из тюрьмы, не видит той благой перемены в настроении и деятельности заблудших сынов общества, которая произошла с ними после тюремного заключения, благотворно, по силе Господа, подействовавшего на них. Не на кого ему порадоваться, нечем успокоиться и подкрепиться в столь трудном перенесении обязанностей служения в тюрьме. Но, напротив, эта трудность оказывается нескончаемой и неуменьшаемой: вышли из тюрьмы одни из его клиентов, на место их являються другие, подобные первым; опять открываются подобные же крайности в душевных настроениях и бедственных состояниях, не менее прежних требующие со стороны священника сочувствия, сострадания, советов, вразумлений. Тюрьма не бывает пуста, и этим душевным ощущениям священника не бывает конца. Священнику тюремному, сеющему слезами, не приходится пожинать радостью, и, как духовному отцу, повеселиться о чадах своих.

Мы обозрели обязанности тюремного священника и физическую и нравственную тяготу при добросовестном выполнении их на практике. Теперь скажем несколько слов о правах и преимуществах его, как служащего, а также о материальном обеспечении его.

В существующих узаконениях по тюремной части ничего не говорится об особенных правах и преимуществах священно- и церковнослужителей при тюрьмах. Отсюда следует, что права и преимущества принадлежат им на общих положениях всего духовенства, но это не совсем справедливо. Положение священника при тюрьме особенное. Он, как мы видели, вместе со своими пасомыми томится в тюрьме телесно и душевно и по крайней мере наполовину заключен с ними, наполовину переносит их страдания. Но кроме всего этого, он не может считать себя застрахованным от дерзких оскорблений со стороны озлобленных и закоснелых арестантов-изуверов, от увечья, ран и насильственной смерти. Все эти особенности, трудности и опасности предусмотрены в уставе тюремном по отношению ко всем прочим служащим при тюрьме, начиная от начальника тюрьмы и кончая надзирателями.

По материальному обеспечению священники тюремные находятся в гораздо худшем положении, чем вообще все духовенство. При всем том, что они не могут и не должны пользоваться какими-либо добровольными подаяниями от прихожан-арестантов, содержание, выдаваемое священно- и церковнослужителям тюремными комитетами и отделами, бывает весьма малое, даже скудное: оно редко превышает 400 рублей в год в губернских тюрьмах, в том числе и на псаломщика, но часто бывает еще меньше. Как бы ни было скудно содержание священников в некоторых бедных приходах, но нет хуже и скуднее содержания, которым пользуются священники тюремные.

Поэтому пожелаем, дабы служебное и материальное положение тюремного священника было обставлено лучше, чтобы права и преимущества относительно пенсий и пособий, установленные для начальств тюремных, были распространены и на тюремных священников и церковнослужителей и чтобы им было положено повсеместно штатное жалование от казны с предоставлением квартиры при самой тюрьме. Подобные меры несколько облегчили бы чрезвычайно тяжелое и поистине безотрадное положение тюремного священника, добросовестно исполняющего сложные и ответственные его обязанности, служащие прямой цели современного исправительного заключения.

Священник Д. Троицкий
«Тюремный вестник» № 4, 1893

¹ От ред.: Придавая особенную цену сотрудничеству лиц из тюремного духовенства и поспешая поместить в журнале настоящий почтенный труд, редакция считает не излишним, ввиду указаний автора на скудость вознаграждения священно- и церковнослужителей при тюрьмах, предпослать этой статье нижеследующее замечание: обязанности по содержанию священно- и церковнослужителей при тюрьмах общего устройства по закону (ст. 28 уст. Сод. под страж. Изд. 1890 г.) временно сохранены в виде общего правила за комитетами и отделами Попечительного о тюрьмах Общества. В С.-Петербургских местах заключения, непосредственно заведываемых Главным тюремным управлением, священники получают по 800 рублей, а псаломщики по 300 в год. Таковы многие каторжные и пересыльные тюрьмы и исправительные отделения некоторых из тюрем При-кого края и тюрьмы о. Сахалина.

Снова о докторе Гаазе и тюремных врачах

... Во время самого чествования памяти в ряде адресов, речей, писем и телеграмм все указывали, что чествуют Гааза не как врача и филантропа в частной жизни, а как тюремного врача, по завету Христа посетившего Его в тюрьме в лице «одного из малых сих».

Этот энтузиазм, это благоговейное преклонение перед памятью Гааза, воочию обнаруживает, что деятельность тюремного врача способна в глазах общества окружить врача даже ореолом святости.

Но странное дело, почему так изменились наши тюремные врачи: почему из среды тысяч Савлов-тюремных врачей, вышел только один Павел — святой доктор Гааз? Почему узнало про него общество?

В последнем вопросе и есть «Da ist der Hund begraben» (где собака зарыта) как выражаются немцы. Жил Гааз, и широкие круги общества про него не знали, умер он — и вовсе его забыли; проходили годы за годами, десятилетия за десятилетиями и про Гааза знала лишь та архивная пыль, которая толстым слоем покрывала документы о его деятельности. Но вот А.Ф. Кони страхнул эту пыль, достал документы, собрал кое-какие воспоминания и увлекательным языком поведал всем о Гаазе. Большинство, если не все, из нынешних восторженных поклонников и почитателей памяти этого воистину святого человека, исполненного живой христианской

Тюремные врачи. 1900-е годы

энергии, только теперь узнали, кто такой был Гааз и что вообще был Гааз и что был он тюремным врачом. Тюремные врачи особенно благодарны А. Ф. Кони, так как в лице Гааза он оправдал тюремных врачей. Не тайна, что без книжки Кони наше общество и до сих пор не знало бы про то, что существовал когда-то д-р Гааз.

Так вот какова была судьба имени Гааза до выхода в свет его биографии, такова была и есть судьба всех тюремных врачей. Никто о них не знает и, по-видимому, знать не хочет. Даже больше того: каждый норовит бросить им в лицо обвинение, самое обидное для врачебного самолюбия, — обвинение в инертности, в нера-

дивности, в запуске болезней, в неисполнении обязанностей врача, в отсутствии интереса к науке и даже в бесчеловечности, сказывающихся в том, что в тюрьмах грязь Авгиевых конюшен, арестанты болеют поголовно, а мрут как мухи. Не интересуясь физического стороною быта арестантов, врачи совершенно игнорируют человеческие чувства в арестантах, их душевное настроение.

Относительно забот о физическом здоровье арестантов мы выше подробно говорили и увидели, что обвинения безосновательны и не выдерживают никакой критики.

Из «Тюремного вестника»

газета «Коммерсант»: «ГУФСИН России по Пермскому краю в 2008 году заключило соглашение о сотрудничестве с Пермской краевой клинической больницей № 2 — «Институтом сердца». После подписания этого соглашения, осужденные, подозреваемые и подследственные ГУФСИН России по Пермскому краю, имеющие сердечно-сосудистые патологии, совершенно бесплатно диагностируются, наблюдаются и оперируются в Пермском Институте сердца».

Милосердие должно быть действительно для каждого человека. Врач, должен в первую очередь смотреть не на то, какой перед ним человек, он прежде всего должен думать, как вылечить этого человека. Сергей Германович не только лечит преступников, но еще и благотворительно что-то делает для них. И это не просто преступники. Это люди, осужденные пожизненно, совершившие тяжкие преступления. Они должны быть изолированы от общества, чтобы не могли более совершать преступлений. Но находясь в местах лишения свободы за колючей проволокой, как и всякий человек, они нуждаются во всем: в пище и питье, в лечении, в медицинской помощи. И достоин уважения врач, который, не взирая на отвратительное прошлое этих людей, все равно берется за скальпель и оперирует их так же, как и обыкновенного человека. И оперирует бесплатно.

При этом он осознает, что перед ним преступник, возможно, не раскаившийся в своих темных делах, и думает и том, что необходимо привести его к покаянию. Как-то на операции, как раз когда Сергей Германович оперировал заключенного, то сказал: «Эх, если бы скальпель хирурга мог убирать не только физические, но и духовные пороки».

И возможно ему это иногда удается. Может, кто-то из его пациентов задумается о том, что этот человек, имеющий хорошую работу, специалист, видимо, неплохо оплачиваемый приходит в страшную тюрьму, где сидят закоренелые преступники, и трудится. Для чего? Может, для кого-то из них Сергей Германович откроет другой мир, в котором действует любовь и милосердие и отверзет для него двери покаяния.

Кардиохирург Суханов С.Г.

в здравоохранение, в медицину, к такому человеку возникают всегда только положительные и очень хорошие чувства, и ты видишь всегда в нем человека и патриота своей страны, патриота края, патриота своего профессионального служения здравоохранению. Он, основоположник кардиохирургии в Пермском крае, совершил тысячи и тысячи операций на сердце. Дай Бог, чтобы этот кардиоцентр был достроен, его мечта сбылась, и он с еще большими возможностями смог бы творить добро и нести здоровье людям». Заключенных в «Белом лебеде» — колонии пожизненного заключения — Сергей Германович в последнее время оперирует одного за другим. Они продолжают жить, он облегчает их страдание. Конечно, не только пожизненников он оперирует, но и их в том числе. Как сообщает

Высокий, широкоплечий, немного сутуловатый, с крупными чертами широкого сангвинического лица, Гааз с первого взгляда производил более своеобразное, чем привлекательное впечатление. Но оно вскоре изменялось, потому что лицо его оживлялось мягкой, ласковой улыбкой и из нежно-пытливых голубых глаз светилась сознательная и деятельная доброта. Всегда ровный в обращении, редко смеющийся, часто углубленный в себя, Федор Петрович избегал большого об-

Из книги А.Ф. Кони «Федор Петрович Гааз»

щества и бывал, случайно в него попавши, молчалив. Но в обыкновенной беседе, вдвоем или в небольшом кружке, он любил говорить... Усевшись глубоко в кресло, положив привычным образом руки на колени, немного склонив голову и устремив прямо перед собой задумчивый и печальный взор, он подолгу рассказывал... но никогда о себе, а всегда о них, о тех, по ком болело его сердце.

Он очень не любил расспросов лично о себе, сердилась, когда при нем упоминали о его деятельности, а в суждениях о людях был, по единогласному отзыву всех знавших его, чист как дитя. Раздавая все, что имел, никогда не просил он материальной помощи своим «несчастливым», но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московские друзья и знакомые, по словам Надежды Михайловны Еропкиной, не давали ему своих пожертвований прямо в руки, а клали их в задний карман его неизменного фрака. Старик добродушно улыбался и делал вид, что этого не замечает. В последние годы, однако, он стал рассеян и забывчив, так что подчас деньги, положенные в его фрак, не доходили до цели, попадая в локтевые и карманные карманы. Тогда по молчаливому общему соглашению ему стали класть свертки звонкой монеты (в то время золото было в обычном обращении, так же как и серебряные рубли), которые, оттягивая его карман и ударяя по ногам, напоминали ему о себе.

Одевался он чисто, но бедно; фрак был истертый, с неизбежным Владимиром в петлице; старые черные чулки, много раз заштопанные, пестрели дырочками. Гаазу было тягостно всякое внимание лично к нему. Поэтому он, несмотря на настойчивые просьбы друзей и знакомых, несмотря

на письменную просьбу лондонского библейского общества, ни за что не позволял снять с себя портрета. Сохранившийся чрезвычайно редкий портрет его в профиль нарисован тайно от него художником, которого спрятал за ширмы князь Щербатов, усадивший пред собою на долгую беседу ничего не подозревавшего Федора Петровича. Одиноким, весь погруженный в мысли о других, он лично, по выражению поэта, «не был любящей рукой ни охранен, ни обеспечен».

Однажды придя к Н. М. Еропкиной, приняв в кресле свою любимую позу и начав говорить о виданном им при отправлении последней этапной партии, он вынул из кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платком. Увидев это, слушательница, обойдя за спиною повествовавшего старика, достала из комода хороший батистовый платок и, молча взяв из руки Гааза тряпицу, вложила взамен ее этот платок. Федор Петрович улыбнулся, ласково взглянул на нее и стал продолжать свой рассказ. «Однако одного платка ему мало, он его потеряет, забудет...» — подумала Еропкина и, достав из комода еще одиннадцать платков, тихонько положила их в карман свесившейся с кресла фалды его фрака. Но Федор Петрович почувствовал это, обернулся, достал все платки — и вдруг глаза его наполнились слезами, он схватил Еропкину за руки и голосом, которого она не могла позабить, сказал: «Oh! merci, merci! Us sont si malheureux!»* — он не мог допустить, чтобы это могла быть забота о нем, а не о них, ради которых так светло и чисто догорала его жизнь!

* О! спасибо, спасибо! Они так несчастны! (франц.).

Дипломы от «Соли земли» и «Невского благовеста»

Фильм «Торопитесь делать добро», созданный известным уральским кинорежиссером и общественным деятелем Лидией Даниловой Котельниковой на Свердловской киностудии совместно с сотрудниками Пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области, завоевал сразу призы двух кинофестивалей.

На кинофоруме «Соль земли» в Самаре работа Лидии Даниловой была отмечена дипломом жюри в номинации «За верное служение кинематографу».

Дипломом фильм был удостоен и на IV Международном фестивале Христианского кино «Невский благовест», который проходил в Санкт-Петербурге.

Фильм «Торопитесь делать добро» повествует об истории тюремных врачей, об их прошлом и настоящем, о высоком гуманизме и профессиональном подходе к своему служению медицинских работников УИС.

Отметим, что последняя работа режиссера является своеобразным продолжением темы УИС в ее творчестве. Так, предыдущий фильм — «Обречены жить вместе» — рассказал о женщинах-сотрудницах ГУФСИН, стал лауреатом трех фестивалей, в том числе и международных.

Лидия Даниловна Котельникова — кинорежиссер неигрового кино, член Союза кинематографистов России, заслуженный работник культуры РФ, почетный кинематографист России.

Лидия Даниловна работает в Комиссии по вопросам помилования, образованной на территории Свердловской области, являясь членом Общественного совета при ГУФСИН России по Свердловской области.

С 1996 года Лидия Даниловна Котельникова — член Попечительского совета «Возвращение» исправительной колонии № 2. Благодаря ее организаторским и профессиональным качествам в исправительной колонии был создан постоянно действующий кинолекторий, отремонтированы и модернизированы кинопроекторные аппараты. Лидия Даниловна оказала содействие в заключении договора с Кинофондом Свердловской области о безвозмездном прокате фильмов в исправительных учреждениях.

За большой вклад в воспитательную работу с осужденными и в связи с десятилетием Попечительского совета «Возвращение» Приказом Министра юстиции России Котельникова Л. Д. награждена медалью «За усердие» II степени.

Олег Протасов в роли майора Шверника

(Окончание. Начало в № 6)

Как-то в детском тележурнале «Ералаш» в одном из сюжетов («Кто круче?») на тюремной койке спорили Владимир Долинский и Владислав Галкин, кто из них авторитетней в уголовной среде. Если недавно почивший Владислав Галкин в реальной жизни ограничился условным сроком, то Владимир Долинский отбывал наказание в колонии. Жизнь Владимира складывалась удачно.

Владимир Долинский родился в Москве, в семье главного инженера Литфонда СССР. Дача его родителей в Красной Пахре соседствовала с домами Симонова, Кабалевского, Льва Шейнина, Мироновой и Менакера. Там, в Пахре другом Володи был Андрей Миронов. Когда пришло время делать выбор профессии, Владимир Долинский пошел поступать в Щукинское училище. Он закончил Щукинское училище, правда учился дольше других: его выгнали за драку из-за девушки, и через год пришлось восстанавливаться.

После окончания училища всё складывалось для начинающего актера достаточно безоблачно. Владимир работал в Театре сатиры, стал знаменитым благодаря участию в «Кабачке 13 стульев» на телевидении. Затем работа в театре Миниаюр.

Однажды театр должен был отправиться на гастроли в Швецию. В те времена разрешалось обменять для поездки за границу сумму в 30 долларов. Что на эти деньги можно купить? И Владимир решает купить валюту. К сожалению, поездку отменили, и актер продал имеющуюся валюту, получив на сделке 200 рублей прибыли, что тогда составляло хороший месячный заработок гражданина СССР. Такие заработки понравились, и Володя решил продолжить незаконный в то время бизнес, и в 1973 году молодой, подающий надежды актер был арестован. Владимира Долинского поместили в следственный изолятор КГБ «Лефортово» и предъявили обвинение по статье 88, часть 2 УК — валютные махинации, что в эпоху СССР считалось очень тяжким преступлением. Вот что вспоминает в своем интервью корреспонденту газеты «Аргументы и Факты» сам актер: «Я просидел в Лефортовской тюрьме год и 17 суток. С первых же дней неволи

готовиться. Точные, ударные, но для них требуется время, иногда — вся жизнь. И если зритель не просто считает, а сердцем чувствует правдивость образа Антибиотика, значит, я сыграл его так, как надо... Конечно, я не обращался за консультациями к настоящим криминальным авторитетам, но применил максимум фантазии. Ведь когда играешь такого зловещего персонажа, окруженного подобранными режиссером Бортко типажными с криминальной наружностью, то его надо играть мягко, строить все на контрасте. Антибиотик носит маску, редко распахивает душу, и как он на самом деле думает о том или ином событии или человеке, остается загадкой. Именно такая интрига вводит сериал в каждый дом, заставляет ждать следующую серию», — говорил недавно почивший артист Лев Борисов «Новой газете» о прославившей его роли. И стирается грань между миром кино и реальной жизнью.

пошел по стопам отца и деда — после восьмилетки поступил в Суворовское училище в Ленинграде. Но не закончил — выгнали за драку. Р. возвращается в Мурманск, где заканчивает техникум, после чего пишет заявление в военкомат и отправляется служить в Афганистан. Участвует в боевых действиях, получает два ордена Красной Звезды, благодарность от Верховного Совета СССР и личное поощрение от М.С. Горбачева.

После Афгана Р. возвращается в Мурманск, его приглашают работать в КГБ. Вдруг выясняется, что Р. знает в совершенстве три языка — фарси, английский и норвежский. А еще он закончил художественную и музыкальную школы. Такой вот удивительно разносторонний человек. В общем, его с распростертыми объятьями берут на работу в КГБ. И все было бы отлично, если бы Р. не совершил сразу несколько преступлений, среди которых убийство, разбой и кража. Понятное дело, Р.

хорошей женщине. Все это продолжится восемь лет, пока его случайно не опознают и не возвращают обратно в лагерь. И вот он в прежней робе, спокойно рассказывает о своих приключениях, словно речь идет о ком-то другом».

История удивительная. Кто такой Р.? Человек без царя в голове, которых, думаю, немало в колониях? Или заигравшийся актер, который в жизни все время играл кого-то и неслучайно попал на сцену «Ленкома»? И выбранная им роль привела его на нарты? В актерском таланте ему не откажешь — восемь лет прожить на свободе, на виду у всех, выходясь в федеральном розыске, выходить на сцену, сниматься в кино!

«Каждый десятый среднестатистический житель России отбыл наказание в местах лишения свободы. Так что не стоит удивляться, что шансон у нас стал неким эрзацем Чайковского и Шопена. Неудивительно, что у нас нецензурная лексика давно уже вытеснила русскую речь. Неудивительно, что семья у нас обесценивается, что человеческая личность не стоит ничего и принцип «не бойся, не верь, не проси» становится доминирующим и уже по популярности обогнал псевдолиберальный «свобода, равенство, братство». Это значит, что общество утрачивает те естественные этические принципы своего существования, на которых оно жило, существовало последнее тысячелетие», — верно заметил заместитель директора ФСИН А.М. Величко. Может, в этом основная причина того, что сегодня нередко артисты попадают в тюрьму, а бывшие выходят на сцену. В серии «Заочница» телесериала «Глухарь» только что вышедшего на свободу рецидивиста-грабителя сыграл Олег Протасов. Видимо, ему нетрудно было войти в роль: длительный срок — 5 лет строгого режима (сам артист скупко сообщает об этом в своей биографии) — и колоритный внешний вид сделали артиста просто незаменимым для подобных ролей. К сожалению, кино и телевидение загружены сериалами, фильмами и песнями на тюремно-уголовную тематику. И вот Олег Протасов снялся в сериалах и фильмах «Глухарь», «Побег», «Знахарь», «Бешеная», «Счастливы вместе...», играя роли людей, находящихся в конфликте с законом. Но самая большая его роль в сериале «Зона», где он сыграл роль «страшного майора». Я ничего плохого не могу сказать об этом актере, но спросом в нашем обществе пользуется именно его негативный опыт, приобретенный в местах лишения свободы. Что же получается: человек, прошедший тяжелый и не очень хороший путь в жизни, в нашем обществе пользуется почетом и уважением. В мире искусства такой человек становится незаменим: ему легко выйти на сцену с репертуаром уголовного шансона, консультировать или даже играть справедливых уголовников и страшных майоров и т.д. Очевидно таково наше общество, что заказывает подобную музыку, а актеры легко входят в роль, игнорируя их опасность для человеческой души. Остается надеяться, что придет день, когда россиянам надоест насилие и «феня» на экранах и актеры получат репертуар, отвечающий «естественным этическим принципам человечества, на которых оно жило, существовало последнее тысячелетие», по словам А. М. Величко.

Ольга ПЕТРОВА

ТЮРЬМА — НЕ ИХ ПЛАНИДА?

я твердо решил: так просто я вам не дам. С какой стати? Я никого не убил, не обманул, не обокрал. «Нарушение правил о валютных операциях»? За это разбивать всю жизнь, отрывать от дома, обрекать на позор, губить годы жизни, лишать самой большой страсти — театра?» После этих мытарств суд приговорил актера к пяти годам лишения свободы. Отбывать срок Долинского отправили в Кировскую область, город Кирово-Чепецк. Владимир Долинский вспоминает: «Сидел с 73-го по 77-й — самое махровое брежневское время. Я хорошо знал эту эпоху. И был героем того времени во многом. Мама приезжала ко мне на свидания за тысячу километров... По своей статье — валюта — я должен был работать только на производстве, но, поскольку я был одним из немногих образованных людей на зоне, меня на короткое время устроили библиотекарем». После 3-х с лишним лет на зоне Владимира перевели в колонию-поселение. Здесь режим стал заметно проще. Через несколько месяцев по ходатайству многих известных актеров Владимиру Долинскому уменьшили срок до 4-х лет и выпустили на свободу.

Оставим в стороне несовершенство советского законодательства. Но в то время в СССР было не так много граждан, которые бы рискнули заняться столь опасным промыслом, а актер решился.

Что тут более сыграло роль: сребролюбие или уверенность в своей безнаказанности?

Отметим, что сейчас уголовная тематика все более и более проникает на страницы, книг, на телевидение, в музыку. Романтизация бравых преступников началась не сейчас, в советское время популярны были фильмы, хоть и направленные против уголовной среды, но на деле вызывавшие интерес к людям по ту сторону колючей проволоки. Вспомним, например, В.С. Высоцкого. Процесс этот усилился после перестройки. Наивно предположить, что перевоплощение актера в закоренелого преступника проходит бесследно.

«Есть роли из момента накопления, а есть такие, к которым нужно

В. Галкин и В. Долинский. Сюжет «Кто круче!»

Но, бывает, что в преступнике открывается талант актера. И, видимо, этот талант немало помогал ему в предыдущей жизни. Изучая эту тему приходится сталкиваться прямо с феноменами.

Этот мир — частичка нашего мира, но частичка потаенная. Парадокс заключается в том, что о сталинских лагерях мы знаем в сто раз больше, чем о лагерях современных. Сталинских лагерей уж нет давно, а современные лагеря — вот они, окружают со всех сторон.

Фильмы про них снимают и книжки пишут. Однако очень мало книг честных и правдивых, в которых действуют не супермены, не каратисты и бывшие спецназовцы, а вполне обычные люди, коих подавляющее большинство. Честно рассказанная судьба отдельно взятого заключенного интереснее любого детектива уже потому, что в этом рассказе — все правда» (Александр Лаптев «Спецзона для бывших»).

«Р. родился в Мурманске в 1968 году. Отец его — военный, дед — герой Советского Союза, ему поставлен памятник в Мурманске. Сам Р.

судят и сажают в спецзону. Не очень понятно при этом, зачем он пошел на преступления, когда перед ним открывалась отличная служебная перспектива.

Но вот что с ним было дальше. Попад в лагерь, он вел себя очень хорошо, так что ему дали отпуск домой. Он едет к жене за несколько тысяч километров. Но вдруг узнает, что его мать попала в больницу и ей срочно нужна операция, а на операцию нужны деньги. Он мчится к матери в Мурманск, находит деньги на операцию и спасает свою мать. При этом он не успевает вернуться в свой лагерь, и его объявляют в розыск. Человек очень решительный, он решает скрыться (да и деньги за операцию нужно вернуть тем, у кого он их занял). Р. едет не куда-нибудь, а в Москву, и там устраивается под чужой фамилией на работу не к кому-нибудь, а к Славе Зайцеву. Затем становится директором базы отдыха и даже работает в Ленкоме... артистом! Снимается в кино (в сериале «Адвокат»), а в Ленкоме играет в четырех спектаклях. Возвращает долг, устраивает свою жизнь, женится на

Сериал «Знахарь» глазами бывшего заключенного

К сожалению, наш кинематограф сегодня изобилует фильмами о тюрьмах. Причем они отличаются невероятной некомпетентностью. Понятно, что криминальная и тюремная тема вызывает большой интерес у граждан РФ, ведь, по официальной статистике, каждый десятый гражданин либо отбывал наказание, либо еще отбывает. Очевидно поэтому у нас в моде и соответствующие песни, и фильмы на криминальные темы.

С первых секунд фильма нам показывают не точность. Сотрудник в форме военнослужащего Внутренних войск принимает и изымает в изоляторе временного содержания шнурки и ценности у арестованного героя, хотя в ИВС работают обычные милиционеры. В «Кресты» из изолятора его тоже везут не милиционеры, а сотрудники изолятора.

АЙБОЛИТ ПОД СТРАЖЕЙ

В камеру СИЗО арестанта водворяют без постельных принадлежностей и постельного белья, вообще без всего. Как по заказу, смотрящий умирает, а герой — врач, и он спасает умирающего, пощупав пульс и ударив его в грудь. Перед

смотрящим сокамерники стелются, как «шестерки». Когда он встает, пододвигают ботинки, когда к кому-либо обращается, слушают с поклоном. Смотрящий — это не начальник, тем более в беспредельных «Крестах». Как продолжение лажи, у арестантов накладки нарисованы авторучкой, и тату явно не тюремные, а карикатурные «фэнтези». Вертухай вызывает героя: «С бумагами по делу на выход». Что за бумаги? Обвинительное заключение? Но герой в камеру вошел без него, да и разводящие так не вызывают.

На допросе и во время встречи с адвокатом обвиняемый сидит за решеткой. Следователь орет на него, а адвокат вздрагивает, боится и не вмешивается. Защитники у нас, конечно, аховые, но не до такой же степени! Следователь даже толкает адвоката, когда тот просит вести себя корректней.

На второй день после убийства герой попадает в СИЗО. На третий — следователь передает его дело в суд. И это по 105-й статье! По ней следствие идет месяцами.

Героя бросают в «пресс-хату», где человек пятнадцать народу и вместо шконок один настил, как в ИВС. Можно только в тесноте присесть.

Герой, естественно, вспарывает себе живот после того, как ему предложили снять штаны. После хакари он оказался в больничке, где в него сразу же влюбилась докторша. После в камере от смотрящего герой узнал, что его подставили жена и двоюродный брат, у которых — любовь.

На суде герой получает пятнадцать лет и принимает решение страшно всем отомстить. В зоне смотрящие снова ведут себя как начальники. В колонии смертельно болеет зек, и герой хочет его спасти. В барак заходит пьяный фельдшер, всех обзывает баранами и еще более хамски. Героя кроет персонально. Герой бьет хаму в челюсть, хотя все смотрящие терпят брань сотрудника.

Еще одна байка киношников — будто сотрудников в зоне бьют. В дежурке ШИЗО (сотрудники в кино называют его карцером) прапорщика бьет током от телевизора — его смотрит дежурная смена, что запрещено правилами. Только осужденный врач может спасти побитого током, вскрыв скальпелем (!) грудину и проведя прямой массаж сердца. Начальство и медики не против такой процедуры. Кстати, ШИЗО у них в сериале — просто загляденье. Днем нарты откинуты, лежать на них можно.

У начальника племянница наркоманка. Герой ее лечит и без конвоя ходит к начальнику домой два месяца кряду. Ну, «переломалась» девица,

что к ней шастать-то зеку? Но это помогает, по замыслу авторов «шедевра», организовать побег герою. Правда, тут тоже намудрили. Смотрящий за зоной, его близкий и герой сидят в общей спальной секции. Перед ними огромная самодельная карта местности. Смотрящий говорит, что люди с воли помогут, но нужно пройти четыреста километров по тайге за месяц. Хороша помощь! Близкий смотрящего, блатной, оказывается на расконвоике. Он бежит с героем под плотами с лесом. Дышат они через трубочку. Появляются катера погони. Такое впечатление, что беглецы их обогнали впасть — так снято. Блатной-расконвоик погибает. Герой ранен: его подстрелил неблагодарный начальник. Он списывает зек, а беглого врача привозит к себе домой и держит в подвале, чтобы он лечил племянницу, которая уже несколько месяцев назад слезла с иглы. Чего ее тогда лечить?

Племянница тоже любит героя и помогает ему бежать. С большими трудностями герой добирается до цивилизации и мстит всем, кому надо. Примитивно все донельзя! Прибавьте сюда убогую игру актеров, многим из них нужно не в кино сниматься, а слежкой подрабатывать — сто раз увидишь и не вспомнишь, настолько они безликие.

Федор КРЕСТОВЫЙ
(По материалам газеты
«За решеткой», № 3, 2011)

Скорбные памятники Черногории

Которский залив — крупнейшая бухта на Адриатическом море, расположенная на территории Черногории. Иногда Которский залив называют самым южным фьордом Европы, но в действительности залив представляет собою погруженный в море речной каньон.

Мамула — ненаселенный остров на входе в Боко-Которский залив. Назван так в честь австрийского генерала и наместника в Далмации Лазара Мамулы, который в середине XIX века начал осваивать и застраивать остров.

На острове со времен императора Франца-Иосифа стоит большая крепость. От места Жаница остров находится на расстоянии полутора километров, а от Герцег-Нови — на расстоянии четырех километров. С северной стороны острова находится пляж и пристань для катеров, с остальных сторон побережье острова неприступно.

Мамула имеет округлую форму, диаметр — 200 м. В морских картах остров называется Ластовица (остров ласточки).

Еще одной уникальностью форта является то, что несмотря на свою привлекательность, он не находится в путеводителях по Черногории на первых страницах.

Отсутствие большого скопления туристов позволяет почувствовать здесь дух средневековья.

В свое время остров был стратегическим объектом для защиты

бухты от атак с моря. Тут же в стенах томились пираты, смертная казнь для которых была слишком мягкой карой за содеянные злодеяния. Потом, уже в XX веке, здесь устроили тюрьму для военных преступников... В воображении рисуются расстрелы, казни, пытки. Во Вторую мировую войну этот остров сохранил более забавных историй, чем страшных. Здесь итальянские солдаты держали в заключении непокорных черногорцев. Но как! Черногорцы жили в Мамуле семьями! Необходимость поддержания сельского хозяйства вынудила повстанцев договориться с тюремщиками, чтобы последние за небольшую натуральную мзду — бутылку виноградной водки ракии — на выходные отпускали их к себе домой, чтобы хоть как-то поддерживать хозяйства. Такой своеобразный симбиоз продолжался всю войну. Но вот однажды проплывавший мимо рыбак известил тюремщиков, и заключенных, что война уже кончилась примерно месяц

назад. И положение переменялось: черногорцы пленили итальянцев и отправили их в свои сады и огороды отбывать трудовую повинность. Итальянцы, познакомившись ближе со способом ведения партизанами хозяйства, возмутились: нельзя быть столь безалаберными. Обиженные черногорцы... прогнали оккупантов во свояси — так закончилась тюремная история Мамулы. А сейчас это райский уголок, заросший зеленью и обжитый тысячами чаек, кроликов и ящериц... Сюда теперь лишь иногда ездят счастливицы, чтобы полюбоваться красотой Которского залива и подышать воздухом средневековья...

Есть в Герцег-Нови ещё одно место достойное внимания — Канли-Кул, Кровавая Башня. И здесь тоже кровавая история закончена: на верху башни находится открытый театр на 1300 мест, из которого открывается великолепный вид на выход из бухты и море.

Она была не только оборонительным сооружением, но и тюрьмой для тех, кто боролся с турками, а сегодня здесь устраивают театральные представления и показывают кино.

«Нет грехов, которые Господь не мог бы простить. Есть люди, которые не хотят покаяться».

— Отец Георгий, как вы считаете, нужна ли специальная подготовка священнику, идущему к заключенным?

— Нужна, конечно. Специально у нас нигде этому не учат. В семинарии нет такого учебного курса, как тюремное служение. Есть священники, которые не против заняться такой работой. Владыка их благословляет, указом определяет на служение в тюрьме. Люди приходят, осваиваются... Не всем эта работа нравится, кто-то просто не выдерживает нагрузки. Осужденные ведь всякие бывают. Одни ищут контакта, для того чтобы получить карандаши, ручки, краски, продуктовую передачу и так далее. Другим достаточно просто общения. И тут уже священник выбирает, с кем ему общаться, а от кого закрыться. Я никого не отталкиваю, но даю понять, что могу поддержать духовно. А в материальном плане — извините, ничем помочь не могу.

— Что бы вы отнесли к проблемам религиозного просвещения в тюрьмах?

— Если бы вы задали мне такой вопрос лет 5 назад, я ответил бы однозначно: была бы моя власть, поставил бы священника в тюрьму на отдельный приход. Тюрьма — это полноценный город людей, который

Тюремный священник Георгий Тяхлов

В Беларуси из 50 тыс. осужденных около 3500 посещают православные храмы. Прерванная после революции 200-летняя традиция тюремного служения возобновилась в 1994 году, когда Комитет исполнения наказаний при МВД и Белорусский Экзархат подписали соглашение о сотрудничестве. В местах заключения появились храмы, домовые церкви, часовни, молитвенные комнаты. Может ли тюрьма стать местом нравственно-духовного возрождения закоренелого преступника? Вспомнит ли он о Боге, выйдя на свободу? Об этом мы беседуем с настоятелем храма Святой Живоначальной Троицы в Борисове протоиереем Георгием ТЮХЛОВЫМ, который служит тюремным священником 12-й год. В 1998-м указом Митрополита Филарета он был назначен на эту должность при тогда еще СИЗО № 8 в Жодино. С 2010 года отец Георгий — тюремный священник исправительной колонии строгого режима № 14 в Новосадах.

тоже требует духовного просвещения, религиозной жизни. А когда у священника, помимо тюремного прихода, в подчинении деревенский или городской приход, времени для общения с заключенными практически не остается. Бывать в тюрьме получается от случая к случаю.

— Кто-нибудь из святых покровительствует осужденным?

— Обычно заключенные обращаются к святой великомученице Анастасии Узорешительнице. У святых мы просим только ходатайства, поддержки, небесного заступничества... На самом деле все молитвы обращены ко Христу.

— Чем заключенные отличаются от обычных прихожан?

— Только искренностью. Никто из обычных прихожан за очень редким исключением не исповедуется так искренне, как люди, попавшие в места лишения свободы.

— Пожизненно заключенные чаще других обращаются к Церкви?

— Из 120 пожизненно заключенных в Жодинской тюрьме со мной общались только 10 человек. Они нашли в себе силы, чтобы исповедаться, чтобы признаться в своих грехах. Так же и в обычной жизни. В церковь ходит 0,6-1% от общего количества людей.

— Как к вам относятся заключенные?

— С таким трепетом и благоговением, что прямо неловко. С другой стороны, их тоже можно понять: люди чувствуют острый духовный голод.

— А не обусловлен ли этот голод прежде всего тем, что человек в тюрьме попадает в среду усиленного зла?

— Возможно. Там каждый за себя. Ни на кого нельзя положиться. Вырываясь из

среды, где невозможно быть искренними, эти люди хотят просто поговорить и не скрывают этого. Я не отталкиваю их — мы говорим о чем угодно: об охоте, женщинах, о том, что происходит в мире...

— Как заключенные относятся к верующим сокамерникам?

— Тюрьма есть зеркало того общества, в котором мы живем. И на свободе, и в тюрьме есть люди спокойные, уравновешенные, есть хамы и подлецы. Но последние подспудно все равно уважают Церковь, побаиваются Бога и не притесняют верующих сокамерников.

— Вы наверняка выслушиваете всякого рода жалобы. Приходилось ли вам выступать заступником осужденных перед администрацией?

— Оценить, насколько объективна жалоба, очень сложно, поэтому я старался не вникать в такие нюансы. Помогал, когда мог. По просьбе прихожан ходатайствовал, чтобы верующих заключенных поселили в одну камеру. В рамках эксперимента такая камера была организована. Поначалу все у них было идеально — вместе молились: утром, вечером, перед едой, посещали богослужения... Это была своего рода монастырская жизнь. Но, как и в любом закрытом помещении, где люди вынуждены проводить большую часть своего времени в одном и том же окружении, начались конфликты... Святых нет. У каждого свои немощи. Достижением можно считать уже то, что они провели в мире и согласии полгода. Обычно людей хватает на неделю-две. Камеру расселили, но люди не перестали быть верующими. Видя, как они молятся, исповедуются, другие заключенные тоже задумываются о вере, приходят на исповедь, желая покаяться, просят Святого

Причастия. Обретая веру, люди на подсознательном уровне становятся более восприимчивыми к процессу исправления.

— Не кажется ли вам, что современная исправительная система никого не исправляет, а только осуществляет возмездие? Жизнь в тюрьме регулирует тюремная субкультура, миновать последствия этой системы на воле вряд ли возможно...

— Многие люди рассуждают с той позиции, что они там, в тюрьме, все такие грешники, им нужно по-другому жить, им нужно исправиться... А ведь заключенные точно такие же грешники, как и мы с вами! И нам здесь, на свободе, надо жить по-другому. Вы вот считаете себя православной, а нательный крестик не носите, в церковь ходите от случая к случаю, заповедей не знаете... Порой для того, чтобы человек пришел к Богу, его нужно ломать, им нужно испытание, пройдя через которые, он переоценил бы свои поступки, отношение к жизни, людям. Я убежден, что без воли Божьей ничего не случается.

Нет грехов, которые Господь не мог бы простить. Есть люди, которые не хотят покаяться. Покаяние — это великое таинство, в котором Господь по любви своей к человеку прощает очень многое. Порой, беседуя с заключенным, я знаю, что он убил женщину, выколол ей глаза, вырезал сердце... Но я также знаю, что параллельно с нашим существует духовный мир, и человек может попасть под власть духа нечистого. В церковной практике таких примеров очень много. Чтобы избавиться от влияния сатаны, человеку необходимо осознать свои грехи, искренне покаяться, совершать добрые поступки. Надо понимать, что мы грешим постоянно, ведь, помимо тяжких, есть тысячи других грехов. В них нужно каяться, их нужно осознать, прочувствовать. Даже я не могу говорить, что спасусь, что мне в Царствии Небесном уже уготовано местечко. Во-первых, я не знаю, что будет со мной дальше. Во-вторых, возможно, мое покаяние не совсем достаточно, не всегда искренне. Поэтому говорить о том, кто спасется, а кто нет, очень сложно. Для Церкви нет безнадежно падших, нет неисправимых — было бы только у них желание и стремление обрести истину.

Алиса КСЕНЕВИЧ,
«Обозреватель», 02.08.2010

Храм преподобных Кирилла и Марии

Два года назад на территории Казанской воспитательной колонии УФСИН России по Республике Татарстан заложили фундамент под православный храм и только в июне этого года приступили к строительству. Отец Анатолий, регулярно посещающий воспитанников Казанской ВК, купил на свои средства стройматериалы. Кирпича и пеноблоков должно хватить на возведение стен, позже будет решаться вопрос с материалами для кровли храма.

С благословения Архиепископа Казанского и Татарстанского Анастасия будущий храм получил имя препо-

добных Кирилла и Марии. Они были родителями Сергия Радонежского и являли собой яркий пример христианского благочестия, целомудренного супружества и воспитания детей в вере и благонравии.

Необходимость в храме в колонии назрела давно. Отец Анатолий уже в течение пяти лет изучает с ребятами каноны православия, совершает таинства причастия и крещения. Кроме того, он входит в комиссию «социальных лифтов». И это не может не радовать, так как оценка поведения и исправления подростков обсуждается не только с правовой, но и с духовной точки зрения.

Многие воспитанники изъявили желание принять участие в строительстве храма в качестве подсобных рабочих.

Пресс-служба УФСИН России
по Республике Татарстан

Цикл лекций о Православии

17 ноября в рамках работы по духовному окормлению лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в исправительных учреждениях ФКУ ИК № 4 и ФКУ ИК № 17 г. Пугачева, состоялись очередные лекции цикла «Беседы о Православии». Их провел лектор Отдела тюремного служения Саратовской митрополии И.С. Чабан (руководитель отдела — священник Сергей Выгодин). Темой беседы стала социализация заключенных. По окончании встреч лектор ответил на поступившие вопросы.

Пресс-служба
Саратовской митрополии

Геннадий КОЛИН

Я стараюсь работать словом

Православный миссионер проводит занятия с малолетними преступниками и помогает на богослужениях в храме Святителя Николая в СИЗО-5

Сегодня корпус малолетних в СИЗО пустеет. Его обитателям даже стало скучновато. Сейчас пытаются как можно меньше содержать малолетних преступников в СИЗО, но, проблема подростковой преступности остается серьезной.

— Наш СИЗО действует совсем недавно, его переделали из лечебно-трудового профилактория, в котором раньше лечили алкоголиков. Отсюда и сложности. В Бутырском изоляторе был храм, созданный специально для тюремного служения, а в советское время там разместились медсанчасть. Потом пришло время, и его возродили. А здесь храма никогда не было, его надо строить. Благо еще у нас хорошие отношения с администрацией, и трудами о. Иоанна Чуракова и его помощников над храмом уже золотятся купола и кресты. Но, чтобы начать богослужение, надо еще многое сделать.

— Как и во всех СИЗО, у нас главная сложность с посещаемостью храма. На богослужение можно привести заключенных только из одной камеры, а если в ней сидят, например, мусульмане, которые не хотят идти на православное богослужение, то получается, что на службу, где заняты батюшка, небольшой хор и помощники. приходит всего два человека. Но в том же Бутырском изоляторе решили эту проблему. Старики священнослужителей и церковнослужителей теперь более эффективны: в храме гораздо больше прихожан. У нас пока в полной мере жить богослужбой жизнью заключенным невозможно — жди очереди месяцами.

— Главная особенность нашего СИЗО в том, что здесь содержатся малолетние заключенные. В последнее время количество их заметно уменьшилось — стараются выпускать под подписку на период следствия. Кроме меня в СИЗО-5, единственном в Москве, где содержатся подростки, трудится замечательный миссионер Татьяна Павловна Борискина. О ее работе вы, быть может, знаете. Она выступала на телевидении, о ней написано в книге «От сумы и тюрьмы...».

Я же каждый понедельник посещаю своих подопечных и провожу занятия. Собственно, это не занятия по Закону Божию или по истории Церкви. Это просто беседы. Ребята задают мне интересные вопросы, и я отвечаю. Но это даже труднее, чем барабанить уроки по учебнику. Надо в беседе заинтересовать человека и попытаться дать ему необходимые знания.

С молодежью надо работать. Иначе возможен рецидив. Некоторые попадают сюда во второй раз, был случай — даже в третий. У одного парня, вернувшегося в СИЗО, спрашиваю, почему опять попал сюда. Он отвечает: «Решили в Москву съездить с ребятами». И съездили... В результате оказался опять здесь. Для молодежи многое решает компания. Сам знаю — был моло-

дым. Когда я служил в армии, со мною произошел такой случай. В советское время недоразумения в армии решались, известно как. И вот обидели одного солдата из нашей казармы. Кто-то что-то крикнул, и все мы бросились разбираться с обидчиками из соседней казармы. Тогда неприятности не получилось благодаря умелым действиям дежурного офицера, а когда накал спал, я обнаружил у себя в руках ломик, который подхватил неизвестно где, но, к сожалению, известно за чем. Если бы события развивались по другому сценарию, то, вероятно, все бы кончилось плохо. К чему я это рассказываю? Я совершенно не собирался совершать что-то нехорошее — просто общий порыв подхватил меня, и я мог бы совершить зло. Но есть и другой аспект: среда, компания, образ мыслей, душевное состояние. Последнее тогда определялось моей средой — армией. — и я, приняв ее дух и законы, уже в какой-то мере не принадлежал себе. Хотя мне все время казалось, что я полностью контролирую свои поступки. Думаю, 90 процентов сидящих у нас «малолеток» оказались здесь из-за дурной компании.

Есть, конечно, и другие причины. Приходилось мне встречать малолетних преступников-одиночек. Их опьяняет само преступление. Как теперь говорят: адреналин. Ощувив его во время рискованного предприятия, преступник хочет совершать преступления еще и еще. Замечу, что находящиеся здесь подростки в основном из неполных и неблагополучных семей.

После перестройки нашего общества разрушился механизм, держащий молодого человека в узде. Раньше трудный подросток был на виду — его пытались удержать школа. Сегодня ученики могут сидеть на уроке, не обращая внимания на учителя, громко разговаривать между собой. Раньше такого потащили бы к директору, тот проработал бы ученика, и это оказалось бы в какой-то мере воздействие на его совесть. Может обратились бы к родителям, что

тоже бы возымело действие. Важно было и воздействие школьной среды. Тогда оно было в целом положительное, а сегодня скорее отрицательное.

Потом та же армия. Я знаю случаи, когда подростки, которые должны были сесть в тюрьму, отправлялись в армию, и та дисциплинировала их. Теперь такого быть не может. Теперь мы лишены всех общественных механизмов, которые воздействуют на ребенка. Результат — рост преступности.

И еще: вот у нас сидит один очень хороший юноша, который рисует, читает духовные книги, ведет себя с другими доброжелательно. В общем, хороший мальчик. Совершил дурацкое преступление, которое попадает под действие уголовного кодекса. И все опять из-за компании. Казалось бы, зачем его здесь держать? Сказать просто: «Больше так не делай!» — и отпустить. Но в жизни не все так просто, и верующим людям это известно. В Бутырском изоляторе проводят беседы на евангельские темы и работают по интересной программе примирения преступника и жертвы. Был там у них парень, который на вид просто ангел, и, конечно, туда он попал «случайно» и «несправедливо». И вот стали работать с этим «ангелом». Конечно, никаких тайных и страшных преступлений не открылось, но выявилось, что часто в своей жизни он совершал поступки с религиозной и моральной точки зрения совсем нехорошие. Например, давал несовершеннолетнему свой паспорт, дабы тот мог купить спиртное и т.д. И вот он теперь сидит здесь и изучает Евангелие. То есть получается: его Сам Господь Бог изолировал, чтобы он по рассеянности мыслей, суете, невнимательности не совершил чего-то более страшного. И тут уж он ничего не натворит, набирается разума и изучает Евангелие. Так что есть у нас юридические, есть моральные моменты, но не надо забывать, что есть Господь Бог, который все видит и все знает, которому не нужно дознания и следователя. Он знает помышления и иногда сам «несправедливо» наказывает и предостерегает преступления.

Конечно, важно работать с подростком, уделять ему внимание. Необходимо заинтересовать его. У нас в СИЗО возможности сильно ограничены режимом, а вот в Петербурге в Колпинской воспитательной колонии активно используют не только уроки и беседы, но и занятия паркуром, скалолазанием и даже театральные постановки. Для нас это нереально: мы делаем, что можем, — стараемся работать словом.

Талант несомненный...

В последних номерах мы публикуем рассказы и стихи необычных для простого человека авторов: тех, кто отбывает сегодня наказание в колонии. Хорошее творчество облагораживает человека и чаще всего способствует обращению к высшим ценностям, к Богу. Для кого-то тюрьма — это место печали, уныния. Для кого-то, увя, — место совершенствования своих «профессиональных» навыков. В своих публикациях мы обращаемся к тем, кто отбросил уныние и греховное прошлое, сумел выйти за решетку, пока только в чистом полете творчества. Дай им Бог так же достойно через некоторое время выйти на свободу.

Сегодня мы знакомим вас с уже опытным автором, публиковавшимся на сайте Московской Патриархии (стихи), на «Четверке призон» (стихи), на сайте московского храма Троицы в Грязех (рассказы) и на других интернет-сайтах, и в православных газетах и журналах. В заголовок вынесены слова о творчестве Игоря другого нашего автора — Ларисы Хрустальной. Зовут его Игорь Акимов, ему сорок лет. «До тридцати лет жил, нет, вернее, существовал «законченным» безбожником и эгоистом. А потом... Потом за считанные месяцы потерял всё, что только можно было потерять, — семью, работу, квартиру, родных и близких. Именно благодаря этим потерям и бедам я повернулся к Богу», — пишет Игорь. Мы специально не интересуемся делами и сроками своих авторов. Но Игорь ничего не скрывает из своего тяжелого прошлого. «Этот срок — последний, я дал обет Господу начать нормальную человеческую жизнь с нуля, с чистого листа. Не прикасаться к алкоголю (даже к пиву) до самой смерти. Более шести лет уже отсидел, освобождаюсь в июне 2012 года. Пусть у меня на воле нет никого, ничего, и выхожу я в «никуда» — на пустое место. Я верю: Господь не оставит, если я сам от Него не отвернусь. Аминь». В добрый путь, Игорь. Нам показался интересным рассказ Игоря. Причем замечу, что рассматривать его можно с разных сторон. Можно увидеть в нем только чудеса, к которым многие относятся скептически, а можно описанным событиям найти рациональные объяснения. Словом, как часто бывает в нашей жизни. Главный герой мог просто потерять сознание после побоев напавших «братков», а затем они его выбросили где-то в другом конце города. А можно увидеть просто чудо, примеры которого хорошо известны в житийной литературе. Но главное — результат: обращение к Богу. Так или иначе, но рассказ представился нам интересным. Не хочется заканчивать это введение на мрачной ноте, но все-таки надо сказать о тяжелом положении этого автора. Письмо пришло из колонии, аббревиатура которой начинается с буквы «Л». «Чахотка, конечно, поломала кое-что из моих планов на будущее, но в любом случае — слава Богу за всё». Желаящие помочь Игорю Акимову могут обращаться в редакцию газеты «Мир всем».

Редакция газеты «Мир всем»

Ангелу

Опусти свои крылья, они закрывают полнеба.
Отпусти мои мысли. Они неразлучны с тобой.
Пусть ликует толпа, мне не надо ни зрелищ, ни хлеба.
И в толпе я — один. Не Иуда, не царь, не герой.
Не отец и не брат. Не торговец, не пахарь, не воин —
Крошка лагерной пыли, упавшая под сапоги.
Ты прости меня, ангел. Я малого в жизни достоин.
Ты устал от меня, улетай, я не вижу ни зги.
Не ценил, не берёг, не любил. Не участвовал... Не был!
Слышишь, ангел? Оставь. Не своди меня больше с ума.
Опусти свои крылья. Они закрывают полнеба,
А другие полнеба закрыла решёткой тюрьма.

Спешу на Встречу

Белых кружев на окне узор затейливый,
Словно летопись старинного письма.
И на улице с февральскими метелями
В пляс пустилась наша русская зима.

Закружила хороводами, завьюжила,
Как положено ей выюжить в феврале.
А душа моя хвораёт — занедужила,
Загрустила о потерянном тепле.

Потерял тепло души дорогой долгою —
Попадал ведь то на гору, то в овраг.
В стоге сена просто кануло иголком,
Не найти его без Господа. Никак.

У Тебя прошу я, Господи, прощенья,
Милосердием мне душу отогрей.
Я иду к Тебе в сердечном сокрушении
И в смирении пред волею Твоей.

По делам моим, да и по справедливости
Мне давно уже пора гореть в аду,
У Тебя прошу я, Господи, лишь милости!
Спотыкаюсь, но опять к Тебе иду.

За окном вечерний сумрак всё заметнее.
На узоры завороченно гляжу.
Середина февраля... А завтра — Сретенье.
Встреча с Богом, на которую спешу.

Мимоходом

Когда вокруг лишь ночь и стылый ветер,
Ты сам себе вопросы задаёшь —
Насколько ты востребован на свете?
Зачем и для чего вообще живёшь?

А есть ли смысл в твоём существовании?
И если нет — куда, к чему спешить?
Проходит суетливо дней мельканье...
Не торопись! Попробуй просто — жить.

Господи! Прости мне эту слабость —
Равнодушие и сомнений плен.
Закопал талант. А что осталось?
Медные копейки на размен.
Господи, прости за немощь тела
И души потерянный ночлег.
Повторяю робко, неумело:
«Слався, Боже, и пребудь вовек!»
Господи Иисусе, дай мне силы
Выдержать, что Ты мне ниспослешь.
«Господи, спаси мя и помилуй», —
Повторяю в снег, в жару и в дождь.
Недостоин милости, но всё же
В тяжкие и горестные дни
Я молю: «Святой, Великий Боже,
Ты услышь, спаси и сохрани!»

Живя в тиши, комфорте, в довольстве и достатке
Не верим, что однажды придется умереть.
И если б не укладывал Господь нас на лопатки,
Мы сами не смогли бы на небо посмотреть.

Что ж, примем без печали болезни, беды, злобу,
Перенесём с терпением скорбей «девяятий вал».
И крест неся смиренно, для каждого — особый,
Мы скажем: «Слава Богу за всё, что Он послал!»

Пусть назовут безумцем того, кто не безумен.
Пусть если грешен — норма, а если свят — «дурак»,
Пусть мир жесток, обманчив, несправедлив и шумен.
Христос — Отец и Бог мой. Да будет вечно так!

Свеча

Я зажигаю в темноте свечу,
Который раз пытаюсь осветить
Хотя бы то, что сохранить хочу,
И без чего вообще не стоит жить.

А ветер, загулявший сквозняком,
Мою свечу упрямо погасил.
И спички оказались под замком,
Его взломать уже не хватит сил.

Как обрести желание опять
Начать с нуля и с чистого листа?
В который раз, всё потеряв, искать.
А что в итоге? Та же темнота.

Я не прошу и даже не хочу
Того, что мне иметь не суждено.
Лишь попытаюсь вновь зажечь свечу,
Чтоб рядом было не совсем темно.

... Пусть ты мне устала верить, мама, Пусть меня давно устала ждать. Я кланюсь хранить до смерти самой В памяти святое слово — «мать».

— Ма, ты не брала мои ключи?

Илья, одетый по-зимнему, стоял в полутемной прихожей двухкомнатной «хрущевки», сосредоточенно роясь в карманах своей дубленки. Мать в стареньком цветастом халате вышла из кухни:

— Нет, сына, не брала. Посмотри хорошенько, может, и снова куда закинул? Знаешь, что-то на сердце тревожно, беспокоюсь, Илюша. Надолго в этот раз?

— Да, не, ма, обычная командировка, всё будет тип-топ, — Илья наконец, отыскал свои ключи от квартиры в одном из внутренних карманов и прислушался. Во дворе пятиэтажки уже несколько минут настойчиво звучали сигналы автомобиля, возвещаая всей округе о «Спартаке» — чемпионе.

— Слышишь, ма? Ребята подбыхали. Ну, всё, я пошел. Илья подхватил стоящую в углуке небольшую спортивную сумку и, повернувшись к матери, легонько приобнял её за плечи, прижал к себе, поцеловал в щёку.

— Подожди, сынок, не спеши, — этим утром мать действительно была непривычно серьезна. Быстро пройдя в свою комнату, она через какие-то секунды вышла, держа в руках потемневшую от времени икону.

— Илюш, это Казанская икона Божией Матери. Пусть благослорит и хранит тебя Богородица от всех бед и неприятностей в дороге. И сам тоже, сына, будь осторожней, не лезь куда попало, уж я-то тебя знаю. Помни, ты ведь — один у меня.

Мать осенила иконой скептически улыбающегося Илюю. И глядя на сына отчего-то повлажневшими глазами, тихо добавила:

— Я буду молиться о тебе, сынок.

— Да ладно, ма, — хмыкнул Илья. В свои двадцать два года он считал себя убежденным реалистом, был абсолютно равнодушен к религии и верил лишь в свой практицизм и твердый расчет. Открыв входную дверь, он обернулся. Мать всё так же стояла в прихожей, держа в одной руке икону, а другой часто крестя уходящего сына. Илья снова хмыкнул, махнул рукой и, захлопнув дверь, сбежал по лестнице.

Выскочив из подъезда, он поскользнулся на обледеневшем тротуаре и чуть не упал. Из стоящих неподалеку дешевых «Жигулей» восьмой модели с работающим двигателем, приоткрыв водительскую дверцу, крикнули:

— Осторожней, Академик! Голову береги, она одна у нас такая!

Прыгай в тачку, заждались уже.

Кричал улыбающийся Денис, как обычно устроившийся за рулём на правах хозяина машины. «Восьмерка» досталась ему после внезапной смерти отца, не перенесшего второго инфаркта. На заднем сиденье дремал Алик, рядом с ним Макс небрежно перелистывал свежий номер «Мистера Икс». Илья сел вперед и после обязательных приветствий, рукопожатий и похлопываний по плечам внимательно посмотрел на друзей:

— Все нормально? Все готовы к труду и обороне? Ничего не забыли? Тогда — едем.

— Едем, — согласился Денис, и чуть помешкав, неожиданно произнес:

— Ну, пацаны, с Богом!

Илья покосился на него, хотел было съязвить, но сдержался.

«Восьмёрка», попетляв по городским переулкам и улочкам, минут через десять выбрались на широкую междугороднюю трассу. Ребята молчали, каждый думал о своём. Илья курил и мысленно просчитывал все детали предстоящих «гастролей»...

Заканчивался февраль 1995 года. Россию который год подряд продолжало лихорадить от многочисленных правительственных «реформ», бешеной инфляции, криминального «беспредела», непрекращающихся локальных конфликтов и прочих «прелестей» рыночной экономики.

Четверо парней-одногодков — Алик, Максим, Денис и Илья — выросли в одном микрорайоне небольшого уральского города. Дружили ещё со школы, вместе поступали в один техникум. И в армию призывались в один день, вот только служить им довелось в разных войсках и в разных регионах страны.

Вернувшись в родной городок, возмужавшие и набравшиеся кое-какого жизненного опыта за два года армейской службы, ребята увидели неприглядную картину существования, а точнее выживания российской «глубинки» 90-х годов. Недолго думая, Илья предложил друзьям заняться «кидаловом», то бишь денежными аферами. По Уралу фирм и предприятий как частных, так и государственных достаточно. Главное, обманув («кинув») кого-нибудь на крупную сумму, вовремя «уйти со сцены», «не светиться», не привлекать к себе внимания различных «крыш», «блатных пацанов» и прочих акул криминалитета. Несколько первых афер, осуществленных друзьями, завершились успешно и принесли приличные барыши. Все подобные «операции» придумывал и до мелочей продумывал Илья, бывший еще в школе круглым отличником. Остальные шутя называли его Академиком.

Сейчас неразлучная четвёрка держала путь в областной центр, промышленный город Ч-ск, где намечалась афера с поддельными финансовыми реквизитами и документами. Собирались «кинуть» крупнейший в области металлургический комбинат на очень немалые по тому времени деньги — порядка 800 млн. рублей. Отнестись к такому делу следовало предельно серьёзно,

поэтому Илья все 250 км до Ч-ска молчал, курил сигарету за сигаретой и в сотый, в тысячный раз просчитывал возможные варианты развития событий.

До места добрались без проблем и расположились в однокомнатной квартире на первом этаже пятиэтажки недалеко от окраины Ч-ска. Эту квартиру на неделю снял Алик, уже приезжавший сюда месяц назад «на разведку» в бухгалтерию и отдел сбыта комбината. Ребята, как всегда, готовились к «операции» основательно, в итоге афера, включая обналичивание, по времени заняла три дня...

Всего три дня — а денег в новеньких банковских упаковках столько, что спортивная сумка Ильи и походный рюкзак Дениса забиты денежными пачками до упора. Сумку с рюкзаком друзья забросили в багажник, растолкав по своим карманом «мелочь», что-то около 12 млн. Уже заворачивая во двор приютившей «гастролеров»

Молитва матери

Этот рассказ — не притча, не сказка и не «фэнтези». Реальные события, происшедшие более пятнадцать лет назад с одним из моих знакомых, я постарался изложить тщательно и подробно. Изменил лишь имена действующих лиц, т.к.многие из них живы и здравствуют по сей день.

Я вообще считаю, что Господь в подобной «рекламе» не нуждается. В ней нуждаемся мы сами, унывающие и отчаявшиеся, равнодушные и обозленные, не верующие в Бога, но доверяющие гороскопам, экстрасенсам и шарлатанам всех мастей. Радующиеся земному и забывающие о небесном...

пятиэтажки, Денис резко ударил по тормозам. Дорогу перекрывала стоявшая поперек вишневая «девятка» с сидящими в ней молодыми, внушительного вида парнями. Ещё две «девятки» с «братками» подбыхали сзади, зажав машину Дениса «в коробочку».

«Не было печали! Теперь с местными «деловыми» придется пообщаться!» — в сердцах произнес Илья и первым вылез из «восьмерки». За ним выскочили Алик и Макс. А из вишневой «девятки» неспешно выбрались трое в кожаных куртках, без долгих предисловий приступившие к «разборке». Местная «братва», держащая под контролем свою территорию (город давно был поделен криминальным миром Ч-ска на «сферы влияния»), что-то узнала о финансовых проделках чужаков. Но «что-то» — не значит «всё». Словесный «наезд» с неперменными растопыренными пальцами, специфическим сленгом, с упоминанием имён и кличек известных «авторитетов» через полчаса завершился вердиктом, вынесенным «братками»:

— Делиться надо!

— Надо! — легко согласился Илья, — но у нас только восемь «лямов» (миллионов — *авт.*) — на большее ваши «лохи» не раскрутились. Пацаны, давайте так. Половину, то есть четыре «ляма», — вам, и с нас ещё угощение. Годится? Если годится — прошу к нам, мы вон в том доме квартиру сняли. Кто-нибудь из ваших пусть с Денисом до магазина прокатится. Денис, возьмишь на пол-»ляма» выпить, закусьте, в общем сам знаешь, что в таких случаях полагается. Да не дергайся ты, нормально всё, видишь пацаны «с понятиями»...

Через час в съёмной квартире первого этажа дым стоял коромыслом. За богато накрытым столом рекой лились «Абсолют» и «Смирнофф», греческие бренди и польское пиво. Раздавались дружеские возгласы, смех, кто-то принёс из машины магнитофон. Под хриплый «лагерный» шансон местные «братки» вспоминали, кто где отбывал срок, кто с кем в какой «зоне» пересекался. Илья пил мало, сегодня выпивка шла у него «не в то горло».

Наконец, ближе к двум часам пополудни «братва» засобиралась, у этих «блатных пацанов» в городе своих дел хватало. «Старшому» Илья вручил четыре миллиона. «Высокие договаривающиеся стороны» остались довольны. «Братки» тепло распрощались с «гастролёрами», вышли во двор пятиэтажки, расселись по машинам и уехали. «Восьмёрка» Дениса осталась у подъезда в гордом одиночестве.

— Нам бы тоже пора «до дома, до хаты», — обратился Илья к друзьям и встал из-за стола, чуть покачнувшись. Более-менее трезво соображавший Денис, в ответ лишь махнул рукой:

— Да ладно, Илюх! Завтра с утра двинем. Сегодня уже не к спеху. И «погудели» хорошо, я лично за руль не сяду.

Макс и Алик согласно поддакнули:

— Завтра, Академик, всё завтра. Сегодня — спать. Имеем, кстати, право.

— Имеете, имеете. Чтоб к утру были как стёклышко! Выйду к машине, надо же деньги сюда занести. Я быстро, — стоящий Илья налил полную рюмку «Абсолюта», залпом выпил и, не накинув ни шапки, ни дублёнки, вышел из квартиры.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, он замешкался на площадке этажа, достав сигарету и шаря по карманам в поисках зажигалки. Когда прикуривал, будто толкнуло в сердце — что-то не так. Боковым зрением отметил — что-то вокруг не так, как должно быть. Илья осмотрелся и, мигом протрезвев, внутренне подобрался, как зверь перед прыжком.

Лестничная площадка, на которой он стоял, была не та. Другая. Чужая! Расположение лестницы и окна в подъезде совсем иное, дверей трёх соседних квартир нет и в помине.

«Не понял?!» — Илья резко повернулся к дверной ручке. Его взгляд, а затем и рука

наткнулись на ровную белёную поверхность подъездной стены с неизбежными для всех подъездов процарапанными надписями «Хэви металл форевер» и «Иринка-сука».

«Где дверь?!» — ошалевший Илья заозирался, выронил недокурную сигарету и выбежал во двор. За спиной хлопнула подъездная дверь серой девятиэтажки (!), которую он увидел впервые в жизни, как и сам двор.

«Где же я, Господи?!» — Илья сам не заметил, как вырвалось у него, недоумевающе-испуганного, имя Божие. Машинально посмотрел на свои часы — третий час дня. «Где я?! Где пацаны?! Что происходит?!» — он был близок к панике.

К соседнему подъезду медленно шла пожилая женщина с сумками. Илья подбежал к ней и не раздумывая выпалил:

— Бабушка, скажи ради Бога, где я нахожусь? Что за район?

Женщина посмотрела на него как на сумасшедшего, сбежавшего из соответствующего заведения. Вид у Ильи был довольно подходящий.

На улице подмораживало — февраль, а этот возбужденный парень с безумным взглядом стоял перед ней в одном свитере и джинсах, без головного убора и верхней одежды. Женщина подумала: «Либо обкуренный, либо уколотый. Ох, пропадает поколение!» Но всё же ответила.

— Ты, парень, недалеко от ЦТБ, вон через два дома за углом налево, остановка троллейбуса, если куда ехать надо. Ты бы оделся хоть, не май месяц. Здесь живёшь, что ли?

Илья отмахнулся, не ответил. Рванул, к указанной остановке, на бегу проверяя наличие при себе денег. Осталась только мелочь, на такси не хватит, на троллейбус бы хватило. «От ЦТБ (Центральной торговой базы) до пацанов, оставшихся в «хрущевке», ехать через весь Ч-ск с одной пересадкой. «Это займет час-полтора», прикидывал Илья. «Что же всё-таки происходит? Что за хрень творится?»

Стоя на остановке, он понемногу успокаивался, собирался с мыслями, становился прежним Академиком. Первоначальный испуг прошёл, но недоумение от происходящего и тревожное беспокойство за друзей остались.

Троллейбуса долго не было, Илья успел хорошенько замёрзнуть. Потом, недалеко от остановки, на которой надо было бы выйти и пересесть, «рога» троллейбуса от короткого замыкания сошли с линии. Полчаса потеряно. Затем ожидание троллейбуса нужного маршрута. Далее — минут 50 «черепашней» езды (на дорогах — гололёд). В общем, добирался Илья часа три...

Уже стемнело, когда он вышел из троллейбуса. Зима не собиралась сдавать свои позиции — повалил крупный снег.

Илья бегом добрался до знакомой пятиэтажки, завернул во двор и тут же остановился. У подъезда, где на квартире оставались ребята, он увидел небольшое скопление народа, два стоящих милицейских «уазика» и отъезжающую «скорую помощь» с молчаливо вспыхивающей мигалкой. Бежевой «восьмерки» Дениса нигде не было видно. На «ватных» ногах Илья подошел к негромко переговаривавшимся людям.

— Что здесь случилось, дядя? — обратился он к явно подвыпившему низкорослому мужичонке в распахнутой куртке — «аляске». Тот с готовностью обернулся к Илье:

— Понимаешь, мил человек, опять бандюки разгулялись. «Разборка» у них тут была вроде. Подробностей не скажу, не знаю, но стрельбу сам слышал. «Шмаляли» (стреляли — *авт.*) минут пять. В зинкиной хате на первом этаже. Зинка-то сама там не живёт — сдаёт квартиру кому ни попадя. Ну, вот и досдавалась. Одного «жмурика» (труп — *авт.*) уже в морг увезли, двоих-троих ли в реанимацию, точно, дышали ещё. У-у, мил человек, что творят, сволочи! А почему? Власть им, бандюгам, отдали, свободу они почували, всё им можно, всё им дозволено. Эх, бардак в стране! Понимаешь?

Он бы ещё долго распространялся на эту тему, заводясь и энергично жестикулируя. Но Илья повернулся и медленно двинулся обратно, на остановку. В голове стучало: «Всё, хватит искушать судьбу», — а сердце судорожно сжималось от вновь подступившего страха...

Домой Илья попал только поздно ночью. Пришлось долго «голосовать» на трассе, пока проезжавший «дальнобойщик»-казах не остановил свою фуру, сжалившись над одинокой фигуркой, переминавшейся с ноги на ногу у обочины, в свитере и без шапки. Денег этот седоватый, молчаливый и многое повидавший на дорогах казах не требовал, лишних вопросов не задавал и высадил Илью километрах в трёх от родного городка.

Мать не спала:

— Как съездил, Илюша? Ой, а что ж ты раздельный совсем? Где вещи оставил, в машине, что

ли? Ну, я уж дружков твоих вразумлю при случае! Не весна ведь, без куртки да шапки расхаживать.

Намерзнувший Илья кое-как стягивал с дрожащих от усталости ног зимние полусапожки, а мать продолжала:

— Мне вот вторую ночь не спится, не по себе как-то. Ты что молчишь, сына? Случилось что? Есть хочешь? Разогрею.

— Да не, ма, не хочу. Нормально всё, устал просто. Ложись спать, — с трудом разувшийся Илья подошёл к матери, крепко обнял её, поцеловал и повторил:

— Устал я, Ма. Пойду к себе.

— Иди-иди, сына, отдохни с дороги. Утро вечера мудренее, так ещё наша бабушка говорила, помнишь? Слава Богу, живой здоровый вернулся, как уж я Матушку Царицу Небесную за тебя просила! Иди, сына, иди.

Илья прошел в свою комнату, не зажигая свет, стянул с себя свитер и джинсы. Бросил куда-то в угол, упал на кровать и тут же уснул.

Вся следующая неделя оказалась настолько занятой хлопотливыми делами, что Илья порой не успевал перекусить, как надо было снова идти или ехать куда-то, выяснить, доказывать, просить и убеждать.

Сначала он занял у своих родственников, знакомых, приятелей денег, которых должно было хватить для улаживания проблем. И снова — Ч-ск, где, побегав по моргам, больницам и РОВД, Илья договорился насчёт похорон убитого Дениса. Узнал, в какой из больниц находятся Максим и Алик. Пообщался с отдельными представителями закона. Встретился с чиновником городской мэрии, имевшим свои интересы среди местной «братвы». Неделя пролетела, как один день.

Наконец, Максима перевели из реанимации в общую палату. Илья пришёл к нему вечером, загрузившись продуктами, соками и минералкой. К информации, собранной Ильёй, добавился рассказ Максима, но полного объяснения происшедшему всё равно не было...

В тот злополучный день «братки», получившие «свои» четыре миллиона, уже успели отъехать на довольно порядочное расстояние, когда на пейджер одного из них пришло сообщение. Младшая сестрёнка «братка», работающая в отделе сбыта комбината, скинула: « Я уточнила. Сумма сделки — восемьсот».

— Возвращаемся и получаем с этих залётных по полной! — моментально среагировал «старшой».

Через несколько минут три машины обманутых, разъярённых «братков» стояли у пятиэтажки, где в это же время в квартире первого этажа Илья встал из-за стола, намереваясь принести деньги. Два человека остались у «восьмерки» Дениса, разбираясь с её сигнализацией и замками. Остальные, достав из багажников биты (а кто-то и «ствол»), двинулись к подъезду...

Рассказ Максима:

— Илюх, только ты вышел и дверь прикрыл, она тут же распахнулась — да так, что чуть с косяком не вылетела. Ворвалась толпа всё тех же местных, но они уже не базарили! С ходу нас с Аликом «метелить» (бить — *авт.*) начали, я и понять ничего не успел. Подумал только, что тебя, Академик, в подъезде уже «втоптали».

Алик отключился сразу, в крови на полу лежал, его битами «обрабатывали». Я отбивался, как мог, а Денис прибежал из кухни с газовым пистолетом. Помнишь, он везде его с собой таскал? Начал стрелять, не знаю куда и в кого, но кто-то из «братвы» достал настоящий ствол. Короче, такая свалка с пальбой началась! Денис на полу оказался, рядом с Аликом. А тут от входной двери крикнули: «Пацаны, бабло (деньги — *авт.*) у них в тачке нашли! Все, валим (уходим — *авт.*), мусора (милиция — *авт.*) на подходе!»

«Братков» как вымело из квартиры. Я до окна доковылял, смотрю — в машины попрыгали, в нашу «восьмерку» тоже, и со двора газанули. Тут я вырубился. Очнулся уже здесь, в больнице. Рядом — Алик, весь в бинтах, как мумия.

За Дениса — знаю, медсестра проболталась. А с тобой, Илюх, что? Как вообще в той «мясорубке» уцелел? Вижу, ты и без ранений вроде. Рассказывай, Академик! Что за дела?

— Потом, Макс, всё потом. Сейчас не спрашивай, сам до конца не разобрался. Давай поправляйся, дружище. Скоро и Алика к тебе переведут, я договорился. Да-а, братан, потеряли мы Дениса, машину, деньги, вы с Аликом — половину здоровья, я — половину мозгов, по-моему, — Илья через силу улыбнулся:

— Ладно, Макс. Алику привет, поправляйтесь. Вот на расходы держи, немного, правда. Выписываться будете в один день, я уладил. Подъеду, встречу. Всё, Макс, я домой...

История практически завершена. В течение многих лет после вышеизложенных событий Илья безуспешно пытался понять и как-то объяснить себе случившееся. После смерти матери, в зрелом возрасте, сам уже будучи верующим, воцерковленным христианином, в одной из православных книг он наткнулся на утверждение: «Материнская молитва имеет огромную силу, со дна морского достает, от врагов защищает, ограждает с помощью Божией от бед, скорбей, внезапной смерти».

Вспомнилось февральское утро. «Я буду молиться о тебе, сынок...»

Да упокоится душа твоя в Господе, ма!

Игорь АКИМОВ

2011

Межрелигиозная встреча в колонии

В ИК-11, расположенной в г. Бор Нижегородской обл., по инициативе православной и мусульманской общин, поддержанной руководством учреждения, состоялась межрелигиозная встреча, организованная отделом по взаимодействию с УИС Нижегородской епархии.

Цель встречи заключалась в укреплении добрососедских отношений между осужденными православного и мусульманского вероисповедания, отбывающими наказание в колонии, для чего участники встречи постарались показать несостоятельность некоторых предубеждений, укрепившихся в сознании верующих и осложняющих их взаимоотношения как в стенах учреждения, так и на свободе.

Обсуждение прошло под председательством помощника руководителя епархиального отдела по взаимодействию с УИС иерея Евгения Панюшкина при активном участии приглашенных специалистов по межрелигиозным отношениям — преподавателя Нижегородской духовной

семинарии иеромонаха Лаврентия (Собко) и преподавателя исламоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва) А.Д. Редкозубова и вызвало живой интерес участников.

На конкретных исторических примерах было убедительно показано, что история многовекового совместного проживания

православных и мусульман, как, впрочем, и представителей других традиционных вероисповеданий в России, уже сама по себе доказывает возможность построения отношений между ними на основах искреннего добрососедства и взаимного уважения.

В ходе обсуждения были затронуты вопросы как религиозной оценки современного состояния межрелигиозных отношений в России и мире, так и религиозно-теологической тематики, в частности, действительно ли христиане почитают трех богов (подразумевая под этим Святую Троицу), можем ли мы считать, что наши Священные тексты свободны от искажений, является ли почитание икон и прочих святынь идолопоклонством и многое другое.

Несмотря на некоторые шероховатости, вызванные отсутствием опыта организации подобных бесед, в целом встреча прошла успешно, а лучшим доказательством интереса ее участников явились просьбы представителей общин об организации подобных обсуждений в будущем.

В ГУФСИН России по Новосибирской области осужденных обучают звонарскому искусству

Спустя месяц после окончания движения миссионерского автопоезда и праздничного молебна в честь иконы Божией Матери, чье имя носит храм при ИК-18, колокольный звон вновь разнесся по территории учреждения.

— Какой бы грех человек не совершил, у него всегда есть шанс исправиться и прийти к Богу, я думаю, колокола — тот самый путь, — говорит Алексей Талашкин, преподаватель Новосибирской школы звонарей.

Шанс исправиться не смогли упустить 34 осужденных, отбывающих наказание в ИК-18, у них нет музыкального образования, многие из учеников ни разу не звонили в колокол. Но, как отметил, преподаватель Алексей Талашкин, главное в звонарском искусстве — почувствовать звук колоколов сердцем, звон должен исходить от души. А звонарь, как служитель церкви, не может не быть верующим человеком, ведь звон является частью богослужения.

Урок для осужденных начался с теоретической части, где

ученики познакомились с уставом колокольного звона, немного узнали о видах церковных звонов. Ведь настоящий звонарь должен хорошо различать характер звона и уметь исполнять звон в зависимости от каждого богослужения и праздника, которому это богослужение посвящено. Поняв, что колокольный звон — это не просто какие-то ноты, сложенные в ритмическом рисунке, перешли к практическому этапу. Обучение игре на колоколах проходило на специально оборудованной звоннице, которая появилась в колонии благодаря миссионерскому автопоезду. На практическом занятии осужденные пробовали прочувствовать пение колоколов, старались звонить, исходя из музыки колоколов, подстроиться под ритм и рисунок звона. Практическое занятие разделилось на сольное и ансамблевое исполнение звонов. Ученики задавали интересные

вопросы своему преподавателю и старались выполнять все его указания.

Уроки звонарского искусства будут проходить один раз в неделю по два часа. Осужденным предстоит ознакомиться

с теорией, занятиями по ритму, развитию слуха, они обучатся нотной грамоте и многому другому.

http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=21639

Молебельная комната в Матросской тишине

Прошла неделя как вслед за Бутырским следственным изолятором в СИЗО-1 г. Москвы «Матросская тишина» состоялось торжественное открытие молебельной комнаты для мусульман.

«После встреч и переговоров с Советом муфтиев в одном из режимных корпусов было выделено помещение, где силами осужденных отряда хозяйственного обслуживания в кратчайшие сроки были проведены ремонтные работы», — сказал на открытии начальник СИЗО-1 полковник внутренней службы Фикрет Тагиев.

«По предварительной договоренности с имамом соборной мечети Москвы, службы будут проходить один раз в неделю по пятницам», — добавил он.

По словам начальника УФСИН России по г. Москве полковника внутренней службы Виктора Дежурова, молебельная комната будет востребована, поскольку почти треть осужденных и подследственных, содержащихся в данном учреждении, исповедуют ислам. А для православных христиан на территории изолятора уже оборудованы три молебельные комнаты, добавил он.

Сразу после церемонии открытия состоялась пятничная молитва, в которой приняли участие осужденные и подследственные. После этого по всем камерам изолятора были розданы угощения — традиционные у мусульман хлебобулочные изделия.

Издан молитвослов для заключенных

По благословию архиепископа Тианетского и Пшав-Хевсуретского Фаддея (Иорамашвили) в Тбилиси вышел в свет «Молитвослов для заключенных».

Он появился в продаже в магазинах товаров религиозного предназначения. Как отмечают продавцы, молитвослов пользуется спросом, ведь количество заключенных в Грузии удивляет даже видавших виды представителей международных правозащитных организаций.

По данным на 1 января 2011 года, в тюрьмах Грузии находились 23 684 заключенных, в том числе и 201 несовершеннолетний; годом раньше число заключенных составляло 21098 человек, а в 2004 году — только 6654. Тюрьмы страны переполнены. Поэтому, как отмечают продавцы, молитвослов пользуется спросом.

Молитвослов открывает 141-й псалом Давида (молитва из пещеры о помощи в затруднениях). Затем следует большая вступительная статья «Преступление и наказание в свете христианского учения», где в простой и ясной форме даются ответы на множество вопросов, связанных с понятиями греха и возмездия.

Основную часть молитвослова составляют тропари, кондаки и молитвы, собранные грузинскими теологами в единый свод: молитвы о даровании терпения, молитвы Ангелу Хранителю, Божией Матери, святителю Николаю Чудотворцу и др.

Завершают издание утешительные приметы из патериков (отечников): покаяние разбойника, благодарение за отнятое и др.

Книжный магазин «Православное просвещение»

Уважаемые читатели!

При Центре духовного просвещения Синодального отдела Московского Патриархата по тюремному служению открыт магазин православной литературы «Православное просвещение».

В ассортименте более 500 названий книг, в том числе книги по богословию, церковной истории, катехизическая литература, книги для детей, большой выбор периодических изданий и изданий прошлых лет.

В продаже также имеются православные аудиокниги, компакт-диски с записями церковных песнопений и лекций ведущих отечественных богословов.

Приглашаем посетить наш магазин.

Часы работы: с 10.00 до 19.00
без перерыва на обед и выходных дней.

Наш адрес: 2-Раушский пер., д. 2.

Проезд: м. Новокузнецкая, далее пешком в сторону центра.

Тел.: 8-916-556-06-89.